

СОДЕРЖАНИЕ:

Марочный сборъ.—Замѣтки.—По поводу одного циркуляра, призваннаго спасти отечество. (Письмо въ редакцію) Свободнаго художника Р. И. Ч.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—По провинции.—Изъ записной книжки „Театрального старожила“.—Сущность театра. (Психология театра) Т. Лесситта.—Силуэты. А. Л. Вольнскій. О. Норвежскаго.—Замѣтки Профана. Профана.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † Д. А. Славянский, Е. П. Орленева, Драмат. труппа З. А. Малиновской и А. В. Полонскаго, Берлинскій сезонъ (2 рис.), Парижскій салонъ (3 рис.).

С.-Петербургъ, 20-го июля 1908 года.

Еще одинъ циркуляръ... Предприниматели обязаны предъ каждымъ спектаклемъ представлять въ полицію комплекты билетовъ для прошнуровки и наложенія штемпеля. Такимъ путемъ предполагается уничтожить злоупотребленія марочнымъ сборомъ въ пользу учр. Императрицы Марии. Что злоупотребленія подобнаго рода существуютъ въ огромномъ размѣрѣ—ни для кого не тайна; иные ловкіе и предприимчивые театральные кассиры наживаются на этихъ операціяхъ солидные капиталы. И зло, повидимому, распространяется; несмотря на развитіе въ Россіи театральныхъ предприятий, марочный сборъ годъ отъ году падаетъ или, по крайней мѣрѣ, не увеличивается. Было-бы ошибочно возлагать надежды на борьбу съ этимъ зломъ полицейскими мѣрами. Въ теоріи и сейчасъ полиціи предоставленъ широкій контроль надъ продажей театральныхъ билетовъ. Существуютъ правила, какъ наклеивать благотворительныя марки, въ полицію должны предъявляться корешки билетовъ и т. п. Всѣ эти мѣры оказываются безсильны; новая мѣра окажется, надо полагать, въ ихъ же числѣ.

Чтобы бороться со зломъ, нужно во-1-хъ, изучить способы, коими оно въ дѣйствительности совершается, и во-2-хъ, поручить борьбу съ нимъ лицамъ, заинтересованнымъ въ его уничтоженіи. Полицейскія мѣропріятія не соотвѣтствуютъ ни тому, ни другому. Вотъ какъ-то сообщалось въ печати, что Театральное Общество предлагало поручить ему контроль за марочнымъ сборомъ въ театрахъ съ условіемъ, чтобы часть излишне полученныхъ суммъ шла на усиленіе средствъ Об-ва. Хотя Т. Об-во по своему духу не далеко ушло отъ другихъ бюрократическихъ учрежденій, но матеріальная заинтересованность заставила-бы его найти способы контроля и болѣе дѣйствительные, и болѣе цѣлесообразные.

Но какъ бы то ни было, послѣдній циркуляръ несомнѣнно ведетъ къ нѣкоторому стѣсненію антрепренеровъ. Намъ уже приходилось слышать жалобы на запаздываніе выхода афишъ вслѣдствіе требованія полиціею предварительнаго предъявленія комплектовъ билетовъ.

Собственно говоря, вопросъ о марочномъ сборѣ слѣдовало бы поставить шире. Существованіе этого сбора едва ли благопріятно отражается на ходѣ театральнаго дѣла вообще; онъ создалъ массу хлопотъ и довольно обременительныхъ для администраціи; онъ явился почвой для развитія разнообразныхъ злоупотребленій; наконецъ, въ основѣ онъ построенъ не на справедливомъ принципѣ: обложеніе прогрессивно уменьшается съ возрастаніемъ цѣнъ билетовъ, а для народныхъ театровъ размѣръ его явно не справедливъ.

И въ заключеніе: говорятъ марочный сборъ оплачиваетъ публика; нѣтъ—его оплачиваетъ актеръ, потому что на жалованьи актера (конечно, не премьера) антрепренеръ обыкновенно возмѣщаетъ всѣ недостатки по другимъ статьямъ бюджета.

Антрепренеру выгодно не повышать цѣны билета на размѣръ марочнаго сбора, ибо эти лишніе 10, 2 к. раздражаютъ покупателя, а эти грошики антрепренеръ легко можетъ себѣ возмѣстить на жалованьи актеровъ.

Было бы гораздо справедливѣе, если бы марочный сборъ, хоть частью, шелъ и на пользу актерства, на удовлетвореніе его нуждъ, такъ какъ онъ построенъ на работѣ и талантѣ актера.

Ниже мы печатаемъ письмо „Свободнаго художника“ по поводу циркуляра объ еврейхъ-артистахъ. Изъ нѣсколькихъ полученныхъ нами статей, писемъ и замѣтокъ мы останавливаемся на этомъ и помѣщаемъ его не потому, что считаемъ нужнымъ и полезнымъ кого нибудь убѣждать и что либо разъяснять (ибо извѣстно, что нѣтъ болѣе глухихъ, какъ тѣ, которые не желаютъ слушать), сколько для того, чтобы авторы писемъ не подумали, что мы собираемся „замалчивать“ т. наз. „щекотливый“ еврейскій вопросъ, какъ много лѣтъ его замалчивали наши либералы, ставшіе впоследствии кадетами. Мы этотъ вопросъ нисколько не считаемъ щекотливымъ, мы считаемъ его несчастнымъ, подобно тому, какъ считаемъ народнымъ несчастіемъ и бѣдствіемъ какое-нибудь мультановское дѣло о сожженіи вѣдьмы и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Но мы не находимъ нужнымъ останавливаться на частныхъ. Связь вопроса объ еврейхъ-артистахъ съ еврейскимъ „вопросомъ“, вообще, а послѣдняго съ извѣстнымъ уровнемъ общественнаго правососостоянія до того ясны, что раскрывать эту связь — значитъ впадать въ банальность. Какъ странно было бы писать статьи въ доказательство того, что у вѣдьмы, которой не существуетъ, все-таки нѣтъ хвоста, такъ, на нашъ взглядъ, курьезно доказывать въ XX вѣкѣ, что еврейхъ-художникамъ слѣдуетъ разрѣшить выѣздъ изъ гетто, такъ какъ ясно, что существованіе гетто есть дикое суевѣріе. Мы увѣрены, что наши читатели вполне это понимаютъ, сколько бы ни старалась затемнить общественное сознание оффиціозная и полу-оффиціозная печать, вродѣ „Нов. Вр.“, а потому совершенно напрасно тратить трудъ и время на столь бесполезное занятіе. Есть „идеи“, мимо которыхъ просвѣщенный человѣкъ можетъ только пройти, пожавъ плечами. Тутъ, какъ пишутъ въ газетахъ, „комментаріи излишни“...

Парижскій кассационный судъ, по гражданскому отдѣленію, 22 (9) июля, разсматривалъ очень интересное въ принципальномъ отношеніи дѣло: по иску композиторовъ къ обществу граммофоновъ о нарушеніи авторской собственности. Согласно заключенію оберъ-прокурора, кассационная палата постановила, что воспроизведеніе на граммофонныхъ пластинкахъ музыки со словами можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ уплатою авторскаго вознагражденія, „чистая“ же музыка т. е. безъ словъ оплатъ авторамъ не подлежитъ. Это рѣшеніе имѣетъ весьма большое значеніе для граммофонныхъ фабрикъ, которыя до сихъ поръ, безданно и безпошлинно, пользовались романсами, аріями, шансонетками и пр. Но подумаешь, какова Аркадія у нашихъ граммофонщиковъ. Берутъ что хотятъ, артистамъ платятъ сущіе гроши, переливаютъ иностранныя пластинки... Словомъ, катаются, по сравненію съ иностранцами, какъ сыръ въ маслѣ. А граммофоны все-таки скверные...

По поводу одного циркуляра, призванного спасти отечество.

(Письмо въ редакцію).

Извѣстіе о кражахъ рѣдкихъ монетъ я прочелъ одновременно съ разъясненіемъ относительно воспрещенія евреямъ артистамъ, не имѣющимъ права повсемѣстнаго жительства, заключать контракты въ столицахъ и другихъ городахъ внѣ черты осѣдлости. Вначалѣ я подумалъ, что евреи повинны въ „артистической“ поддѣлкѣ ключей. Оказалось, однако, что монеты ташиль другой, а евреямъ артистамъ не разрѣшается потому дышать столичнымъ воздухомъ, что они не причислены ни къ окончившимъ высшія учебныя заведенія, ни къ занимающимся извѣстнымъ ремесломъ.

Артистъ въ правовомъ отношеніи стоитъ ниже портного, сапожника... Понятно было бы, если бы „сапожникамъ артистамъ“ запрещали бы играть въ лучшихъ театрахъ и этимъ бы содѣйствовали очищенію сцены отъ бездарностей. Но эта мѣра примѣняется къ той націи, которая успѣла себя заявить такими композиторами, какъ Мейерберъ, Галеви, Бизе, Мендельсонъ, Рубинштейнъ, Оффенбахъ, такими артистами, какъ Ратнеръ, Сара Бернаръ, Поссартъ, Барнай, Зонненталь, Медвѣдевъ, Тартаковъ, Давыдовъ и друг., такими режиссерами, какъ Рейнгардъ, Санинъ, такими виртуозами, какъ Ауэръ, Рейзенauerъ, Эльманъ и множество другихъ,—имя же имъ легионъ. Нѣтъ оркестра, хора, гдѣ бы лучшими силами не были евреи.

Или, можетъ быть, сапожникъ работаетъ, а артистъ—подырничаетъ? Но это не вѣрно. Трудящійся артистъ занятъ съ 11 утра до 3—4 часовъ дня на релетиціи, за 1 часъ до спектакля онъ обязанъ явиться въ театръ, гримироваться, спектакль, въ лучшемъ случаѣ, заканчивается къ 12 часамъ ночи. Пока снимешь гримъ, переодѣнешься и пр.—въ общемъ, артистъ привязанъ своей дѣятельностью къ театру отъ 10 до 11 часовъ ежедневно. Если прибавить къ этому разуучиваніе новой роли до 11 утра, а иногда и поздно ночью послѣ спектакля, то окажется, что сапожникъ имѣетъ гораздо больше свободнаго времени для своей личной жизни, чѣмъ артистъ.

Конкуренція между еврейскими и русскими хористами и музыкантами? Но хорошо извѣстно, что контингентъ *необходимыхъ* людей для хорошихъ хора и оркестра повсюду *недостаточенъ* и приходится прибѣгать къ инвалидамъ, долготѣняя работа которыхъ дала имъ право не пенсію.

А вообще, если даровитѣйшій артистъ-еврей вытѣсняетъ менѣе одареннаго русскаго, то общество только въ выигрышѣ, такъ какъ публика получаетъ эстетическое удовлетвореніе не отъ торжества „національной“ политики, а отъ лучшаго воплощенія ролью артистомъ.

Или еврей-артисты политически неблагонадежны? Но въ самое кипучее время освободительнаго движенія они ничѣмъ анти-правительственнымъ себя не проявили.

Окладъ большинства варьируется между 50—110 руб. въ мѣсяць. Въ теченіе года бываютъ переѣзды изъ Иркутска въ Харьковъ, изъ Харькова во Владивостокъ и т. п. Вспомните дороговизну жизни для вновь пріѣзжающихъ на короткій срокъ въ городъ, невозможность жить семьей, дать надлежащее воспитаніе дѣтямъ и другія отрицательныя стороны артистической жизни, и вы убѣдитесь, что гоненіе направлено не противъ „пѣнокснимателей“ евреевъ, а противъ нуждающейся массы. Итакъ, не говоря о „равенствѣ“ людей передъ закономъ и „естественномъ правѣ“ человѣка дышать воздухомъ гдѣ ему угодно, мы приходимъ къ заключенію, что циркуляръ этотъ не цѣлесообразенъ и несправедливъ по существу.

Я думаю, что оперному сѣзду, если онъ состоится, слѣдуетъ позаботиться о своихъ сотоварищахъ по искусству, неизвѣстно за какія вины лишенныхъ правъ.

Въ утѣшеніе безправныхъ труженниковъ сцены могу сказать, что судя по практикѣ послѣднихъ лѣтъ, во многихъ городахъ открытіе опернаго сезона просто не состоится, если циркуляръ этотъ будетъ свѣдѣнъ со всею строгостью.

Свободный художникъ Р. И. У.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— 14 іюля въ Бадельвейлерѣ состоялось торжественное открытіе памятника А. П. Чехова. Присутствовали вдова покойнаго—артистка Книпперъ, академики проф. Веселовскій и Боборыкинъ и Станиславскій. Произнесли рѣчи министръ-резидентъ при баденскомъ дворѣ Эйхлеръ, представитель баденскаго правительства, академики Веселовскій и Боборыкинъ и Станиславскій, указавшій на заслуги Чехова

предъ русскимъ театромъ. Послѣ открытія состоялся банкетъ у нашего представителя, а затѣмъ большой концертъ русской музыки. Памятникъ очень красивъ: вышиной въ три аршина; сдѣланъ изъ сѣраго гранита. Бюстъ А. П. изъ темной бронзы. Мѣсто для памятника выбрано замѣчательно удачно. Онъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ А. П. любилъ сидѣть. Противъ памятника разступаются деревья и открываютъ роскошный видъ на всю Рейнскую долину.

— Новая должность вице-директора Императорскихъ театровъ учреждается, по словамъ московскихъ газетъ, исключительно для Москвы.

Вице-директоръ будетъ какъ-бы управляющимъ всѣми московскими казенными театрами и будетъ совершенно самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. До сихъ поръ управленіе московскими театрами находилось въ рукахъ управляющаго московской конторой фонъ-Бооля, который, однако, получалъ инструкціи изъ Петербурга отъ Теляковского.

— П. В. Тумпаковъ уѣхалъ за границу—Вѣну и Парижъ—для ознакомленія съ идущими тамъ опереточными новинками. Въ качествѣ arbiter'a elegantiarum его сопровождаетъ А. Н. Шульцъ.

— Драматическіе спектакли строительной выставки все еще не открылись. Теперь выяснилось, что здѣсь будутъ играть двѣ драм. труппы. Комитетъ строительной выставки при ялѣ предложеніе вернушагося изъ Парижа г. Гардина устроить нѣчто въ родѣ парижскаго „Grand Guignol“. Въ первую голову пойдетъ „Клубъ самоубійцъ“. Во главѣ второй драм. труппы стоитъ г. Хворостовъ, открывающей серію спектаклей во вторникъ 22 іюля постановкой пьесы В. Буренина „Фіаметта“. Въ труппѣ его состоятъ: г-жи Мирова, Плечинская; Г. Плаголинъ, Мячинъ, Стромскій и др.

— Только на этихъ дняхъ директоръ московскаго сада и театра „Эрмитажъ“ Щукинъ подписалъ договоръ съ г-жей Тамарой и г. Брянскимъ о сдачѣ своего театра на два года подлѣ опереточные спектакли, начиная съ будущаго лѣта. Щукинъ самъ вошелъ пайщикомъ въ 1/4 части этого предпріятія.

— Сгорѣвшій Ораніенбаумскій театръ будетъ возобновленъ только къ будущему лѣтнему сезону.

— Въ Михайловскомъ театрѣ идетъ серьезный ремонтъ. Упраздняются 16 ложъ бель-этажа и 1-го яруса, примыкающія съ обѣихъ сторонъ къ Царской ложѣ. Въмѣсто ложъ будутъ кресла.

— Какъ говорятъ, Ѳ. И. Шалапинъ будетъ пѣть въ Маринскомъ театрѣ съ 15 октября по 1 января.

— Извѣстный нѣмецкій актеръ, членъ Бургъ-театра, Іосифъ Кайнци, взялъ 3 мѣсячный отпускъ, съ января по апрѣль, для турнѣ по Россіи.

— Лешковская снова заболѣла; на-дняхъ ей была сдѣлана вторая операція.

— Опера въ народномъ домѣ въ послѣднее время не дѣлаетъ почти никакихъ сборовъ. Не помогаютъ и гастролеры съ казенной сцены.

— Въ нынѣшнемъ году истекаетъ срокъ аренды Зоологическаго сада частными предпринимателями по контракту съ городомъ и предстоятъ торги на дальнѣйшую отдачу его въ арендное содержаніе. Въ виду частыхъ указаній на невозможное содержаніе звѣрей, терпящихъ большія неудобства отъ вѣчнаго шума наполняющихъ садъ до поздней ночи посѣтителей, среди гласныхъ возникъ вопросъ о прекращеніи отдачи сада подлѣ увеселительное заведеніе. Городскимъ головой Н. А. Рѣзцовымъ нѣсколько времени тому назадъ было внесено въ думу предложеніе о переводѣ звѣрей въ Екатеринбургскій садъ съ отдачей нынѣшняго помѣщенія сада исключительно подлѣ увеселительное заведеніе.

— К. В. Бравичъ совершенно оправился отъ болѣзни и уѣзжаетъ въ Крымъ на мѣсяць. Оспа оставила на его лицѣ слабыя слѣды.

— Вернулся послѣ ряда гастролей въ провинціи Я. С. Тинскій. Съ 25 мая по 3-е іюля онъ гастролировалъ въ 4 городахъ—Черниговѣ, Могилевѣ, Вобруйскѣ и Новозыбковѣ. Выступалъ г. Тинскій въ слѣд. пьесахъ: „Отелло“, „Гамлетъ“, „Уриель Акоста“, „Кинъ“, „Жена министра“, „Маскарадъ“, „Воръ“, „Мастеръ“, „Весенній потокъ“, „Король“ и др.

— Возвратились участники концертнаго турнѣ по Сибири и Дальнему Востоку, устроенному В. Д. Рѣзниковымъ—баритонъ Императорской оперы А. В. Смирновъ и пѣвица О. И. Одинова.

Г. Рѣзниковъ, какъ говорятъ, заработалъ около 5000 рублей.

— Открытіе театра Неметти (Драматическій ансамбль М. Т. Строева) предполагается въ двадцатыхъ числахъ сентября. Сезонъ откроется, вѣроятно, „Королемъ“ Юшкевича. Въ составѣ труппы „Драм. ансамбля Строева“ вошла артистка г-жа Ясновская.

— Репетиціи въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества начнутся 2-го августа. Въ день юбилея Л. Н. Толстого пойдетъ или „Власть тьмы“ или „Плоды просвѣщенія“.

Первыми новинками пойдутъ: „Казенная квартира“ В. Рышкова, „Дѣти“ Н. Жуковской и „Корабль“ Д'Аннунціо.

— Профессора московской консерваторіи обратились къ

профессорамъ петербургской консерваторіи съ предложеніемъ образовать общими силами изъ воспитанниковъ обѣихъ консерваторій оперную труппу, заарендовать для этой труппы нѣсколько провинціальныхъ театровъ на великопостный сезонъ и, такимъ образомъ, дать своимъ ученикамъ возможность практически примѣнить свои знанія.

* * *

Московскія вѣсти.

— Спектакли драматической труппы В. Ф. Комиссаржевской начнутся съ 30 августа въ театрѣ „Эрмитажъ“.

Первымъ спектаклемъ пойдетъ „Нора“. Дальнѣйшій репертуаръ будетъ состоять изъ слѣдующихъ пьесъ: „Строитель Сольнесъ“, „Сестра Беатриса“, „Они почуяли“ Шарля Ванъ-Лерберга, „У царскихъ врагъ“ Кнута Гамсуна и еще одна изъ трагедій Грильпарцера.

Спектакли продолжатся до 28 сентября.

— Въ бюро появились оперные артисты, путешествовавшие 2½ мѣсяца по западнымъ провинціальнымъ городамъ, во главѣ съ теноромъ г. Костаньянъ.

Дѣла были очень плохи — товарищество получило по 12 копѣекъ за рубль.

— Сцена и зрительный залъ при бюро, съ сентября до конца поста будущаго года, сданы подъ драматическую школу артисту Императорскихъ театровъ Ухову.

— „Новый театръ“ къ предстоящему сезону заново отремонтированъ. Зрительный залъ, фойе, корридоры выкрашены въ свѣтло-розовый цвѣтъ; выкрашены и всѣ стулья въ партерѣ и ложахъ.

* * *

† Д. А. Славянскій (Агреньевъ). Въ Рушукѣ, послѣ операци, скончался Дмитрій Александровичъ Славянскій (Агреньевъ), пропагандистъ русской народной пѣсни, развѣзжавшій по Россіи и славянскимъ землямъ съ большимъ хоромъ и когда-то имѣвшій очень крупный успѣхъ. Въ послѣдніе годы звѣзда Славянскаго закатилась, и публика почти перестала посѣщать его концерты. Онъ сталъ все рѣже и рѣже показываться въ столицахъ и большихъ городахъ Россіи. Послѣдній его приѣздъ въ Петербургъ былъ прошлымъ лѣтомъ. Онъ возилъ свой хоръ въ Америку и по Европѣ, чаще всего въ славянскія земли. Въ хорѣ Славянскаго принимали участіе его жена Ольга Христовна и дочери, одна изъ которыхъ обладала прекраснымъ голосомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-то пустилъ слухъ о его смерти, и въ газетахъ появился рядъ некрологовъ.

Д. А. родился въ 1836 г., сначала посвятилъ себя военной службѣ, но вскорѣ оставилъ ее и въ 1858 г. предпринялъ свое первое концертное путешествіе по Россіи, рѣшивъ всецѣло отдаться музыкальной дѣятельности. Позже онъ совершенствовался въ пѣніи у италіанскихъ и французскихъ профессоровъ. Начало своему хору онъ положилъ въ Прагѣ, въ 60-хъ годахъ.

Впослѣдствіи крупными музыкальными авторитетами (Чайковский и др.) было выяснено, что транскрипціи Славянскаго не соотвѣтствуютъ духу и стилю русской пѣсни. Кромѣ того, случайно обнаруженное жестокое обращеніе дирижера съ малолѣтними хористами уронило Славянскаго въ глазахъ общества, какъ человѣка. Благодаря всему этому интересъ къ дѣятельности Славянскаго въ послѣднее время очень упалъ. Однако, извѣстныя заслуги Славянскаго въ дѣлѣ популяризаціи нарочной пѣсни среди широкихъ массъ несомнѣнны. Самъ Славянскій обладалъ прежде хорошимъ голосомъ и отлично исполнялъ русскія пѣсни.

* * *

Зоологическій садъ. 15-го іюля состоялся бенефисъ директоровъ сада Н. Н. Баумвальда и О. Л. Гольдца. Ради торжественнаго дня поставлена была новая феерія и сверхъ обычной программы сожжены грандіозный бриллиантовый фейерверкъ, вполне гармонирующій съ полной иллюминаціей сада въ 5000 огней. Непонятно, впрочемъ, почему распорядители ограничились цифрой 5 тысячъ; съ одинаковымъ правомъ можно было бы назвать и 50,000, афиша все бы вынесла.

По окончаніи фееріи на сценѣ чествовали бенефициантовъ. Первыми поднесли огромные лавровые вѣнки официанты; можно сказать, бенефицианты утопали въ лаврахъ.

Прежде лавры были исключительно принадлежностью жрецовъ искусства; нынѣ ими чествуютъ директоровъ, т. е. туго набитые кошельки. По нашему времени оно такъ и быть должно. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что наиболѣе прогрессивными театральными дѣятелями оказались официанты. Конечно, была масса и другихъ, вѣроятно, цѣнныхъ подарковъ. Были и рѣчи. Г. Берсеневъ сказалъ маленькую прочувствованную рѣчь отъ имени труппы. Герою вечера оказался представитель труппы сада Эденъ, гдѣ директорствуетъ тотъ-же г. Баумвальдъ. Рѣчь г. Алашевскаго звучала гордо, она была длинна, но содержательна. Ораторъ чествовалъ бенефицианта не только какъ директора, какъ предпри-

† Д. А. Славянскій.

нимателя, но главное какъ человѣка. Вспомнивъ огромную роль Сатина въ „На днѣ“, ораторъ съ силою утверждалъ: „человѣкъ—это звучитъ гордо“ — и закончилъ рѣчь земнымъ поклономъ директору-человѣку. Примѣръ оказался заразительнымъ; слѣдующій ораторъ (кажется, представитель дивергентныхъ артистовъ) тоже земно кланяется гг. директорамъ.

Вѣроятно и еще мы увидѣли-бы много поклоновъ, если-бы наконецъ не выдержалъ занавѣсъ: онъ захотѣлъ подражать свободнымъ артистамъ или ему стало за нихъ стыдно, и онъ тоже поклонился до земли, скрывъ то нашихъ глазъ дальнѣйшее чествованіе бенефициантовъ на сценѣ. Фейерверкъ тоже чествовалъ бенефициантовъ: въ ихъ честь красовались великолѣпные огненные вензеля: К. Б. (краснаго) и О. Г. (синяго цвѣтовъ). Увы! Вензель О. Г. скоро догорѣлъ, но К. Б. продолжалъ еще блистать своимъ краснымъ великолѣпіемъ. Публика острела: смотрите, Гольцъ свалился, а Баумвальдъ „остался“.

Новая феерія г. Трефилова: „Знаменитый сыщикъ Натъ Пинкертонъ“ была поставлена со всѣмъ богатствомъ и роскошью, на какія способенъ зоологическій садъ. Масса всевозможныхъ эффектовъ; вставленъ, конечно, къ мѣсту (впрочемъ въ фееріи легко найти мѣсто) и балетъ. Намъ понравился оригинальный балетъ съ аккомпаниментомъ бубенчиковъ, которыми славно позванивали танцовщицы. Менѣе удаченъ вышелъ электрической балетъ: недоставало фантастики въ освѣщеніи. Хорошъ китайскій балетъ. Чрезвычайно эффектна заключительная картина.

Будучи совершеннымъ невѣждой въ сыскной литературѣ, (признаюсь съ великимъ стыдомъ, что ни одного описанія великихъ подвиговъ короля сыщиковъ не читалъ), не могу судить о содержаніи фееріи и долженъ положиться на критику моего соседа, мальчика лѣтъ 13—14, очевидно спеціалиста по натпинкертоновщинѣ. Онъ остался недоволенъ: „что-же это такое? Исторія съ похищеніемъ герцогини не кончена. А потомъ Бобъ! Этотъ смѣлый, симпатичный помощникъ Ната—выведенъ какимъ-то дурачкомъ!“ и т. п.

Предоставляю спеціалистамъ судить о справедливости замѣчаній юнаго критика. Что сказать объ игрѣ артистовъ? Ни въ одной фееріи, конечно, нѣтъ ролей; актеры служатъ лишь живыми подписями къ тѣмъ картинамъ, которыя показываются на сценѣ. Но все, что требовалось отъ нихъ по замыслу автора, они выполняли великолѣпно. Свободно, смѣло и увѣренно продѣлывали и говорили что нужно, гг. Галинскій (ужасный злодѣй), Берсеневъ (Натъ, король сыщиковъ и благодѣтель человечества, какъ его рекомендуетъ авторъ), Шалковский, Тимиревъ (Бобъ), Федоровъ. Красиво и занятно дрались на кулачкахъ гг. Галинскій и Берсеневъ.

Въ наше время герои сыска въ модѣ; недаромъ авторъ выставляетъ своего героя великимъ благодѣтелемъ, человѣчества. Феерія будетъ имѣть успѣхъ, будетъ дѣлать сборы и

вѣроятно окажется тоже благодѣтельной для директорова зоологическаго сада. Публики было очень много, на каскъ уже съ 7 ч. красовался аншлагъ: билеты всѣ проданы. Буфетъ торговалъ на славу.

Было-бы несправедливо, если-бы мы не отмѣтили струннаго оркестра г. Франке; италянскій оркестръ завоевалъ симпатіи публики. Въ дивертисментѣ намъ понравились дрессированныя собачки г. Омштеда и воздушныя гимнасты гг. Луппу, замѣчательно чисто продѣлывающіе свои головоломныя упражненія. Очень забавны клоуны-негры гг. Броксъ и Дунканъ.

С. С.

* * *

Крестовскій садъ и театр. Ресторанъ крестовскаго сада считается аристократическимъ, вслѣдствіе чего и публика въ саду собирается очень поздно. По крайней мѣрѣ въ тотъ вечеръ, когда намъ пришлось посѣтить садъ, къ 9 ч. бродили одинокія фигуры, числомъ не болѣе 2-хъ десятковъ. Къ часу ночи однако посѣтителей набралось порядочно. На открытой сценѣ играетъ очень порядочная труппа и режиссерская часть находится въ опытныхъ, умѣлыхъ рукахъ. Къ сожалѣнію намъ удалось просмотрѣть только одинъ актъ пьесы „Холостая семья“, почему и не можемъ дать болѣе подробнаго отзыва объ игрѣ артистовъ. Гвоздемъ вечера въ закрытомъ театрѣ былъ сеансъ всемірно-извѣстнаго иллюзиониста г. Роландъ. Фокусы, имъ продѣлываемые, дѣйствительно замѣчательны. Принципы аппаратовъ, которыми онъ работаетъ, старые; ничего не введено новаго ни изъ области электрической техники, ни изъ электрооптики, откуда теперь, при совершенномъ развитіи знаній, можно было-бы почерпнуть очень много интереснаго для бѣлой и черной магіи. Интересно и нова обстановка работы г. Роланда. Это цѣлый театръ съ роскошно обставленными и сложными аппаратами. Многіе номера новы и оригинальны. Работаетъ г. Роландъ при участіи четырехъ помощниковъ и дамы, надъ которой онъ продѣлываетъ опыты, т. наз. магнетизма. Она остается въ магнетическомъ снѣ висящею на воздухѣ безъ всякой поддержки, продѣлываетъ внезапныя появленія и исчезновенія и т. п., что полагается въ этихъ случаяхъ. Женская борьба особо-интереснаго зрѣлища не представляетъ, развѣ что движенія и нѣкоторыя приемы женщинами-борцами, вслѣдствіе присущей имъ врожденной граціи, продѣлываются изящнѣе и красивѣе, чѣмъ борцами мужчинами. Нѣкоторыя обнаружили въ борьбѣ замѣчательную ловкость и искусство. Заразительно весело исполняютъ свои номера американки сестры Дозерти, изъ которъ-хъ младшая очень граціозно танцуетъ, а старшая беретъ разбитнымъ ухарствомъ, и г. Растусъ и Банксъ, гдѣ маленькій негръ кажется сдѣланнымъ изъ резины, имѣлъ большой успѣхъ у публики своими воздушными антраша. Интересны также и нѣкоторыя пѣвцы.

На открытой сценѣ даетъ представленія замѣчательный эквилибристъ на проволокахъ г. Широферманъ, который не только сидитъ на проволокахъ на стулѣ, бѣгаетъ по ней, но еще учитъ, яется ходить по ней на ходуляхъ. *Гит.*

* * *

Б. фф. Г-жѣ Капланъ въ ея бенефисѣ поднесено было 17 корзинокъ цвѣтовъ и выигрышный билетъ. Вы скажете — любимица публики?. Совсѣмъ нѣтъ, т. е. я хочу сказать, что эти подношенія вовсе не свидѣтельствуютъ о любви публики. Вотъ г-жа Варламова получила всего одну захудалую корзинку, а между тѣмъ никто не сомнѣвается въ неизмѣнной любви публики къ талантливой артисткѣ. Взглянемъ на вещи проще. 17 корзинокъ и выигрышный билетъ означаютъ, что у г-жи Капланъ есть 18 поклонниковъ, изъ коихъ одинъ, поднесшій выигрышный билетъ, человѣкъ болѣе положительный, разсуждаетъ подобно Калхасу, что цвѣты де богинѣ надоѣли, а вотъ сотня баранчиковъ—это другое дѣло... Только всего. Конечно, если понимать поклонниковъ такъ, какъ это высказали въ интервью г-жи Пюнтковская и Раисова, то 18—цифра довольно почтенная, свидѣтельствующая о дѣйствительномъ успѣхѣ и незаурядности натуры г-жи Капланъ.

Свой выборъ г-жа Капланъ остановила на старой опереткѣ „Дама отъ Максима“. Рецензентъ „Бирж. Вѣд.“ находитъ, что г-жа Капланъ была не „дама отъ Максима“, а „дама отъ Кузнецова“. Если оно и такъ, то это только къ чести г-жи Капланъ, сумѣвшей „русифицировать“ типъ.

Но я думаю, что въ опереточной „интерпретаціи“ вся характерность „этихъ дамъ“ въ однихъ внѣшнихъ приѣмахъ. Приѣмы-же эти интернациональны. Души, психологіи здѣсь нѣтъ. Кака-же въ такомъ случаѣ разница между „дамой отъ Максима“ и „дамой отъ Кузнецова“?

Приѣмы же „этихъ дамъ“ г-жа Капланъ достаточно усвоила. Она свободно себя чувствовала безъ костюма, въ одной ночной сорочкѣ. Она непринужденно садилась на колѣни къ молодому человѣку и т. п.

Очень хорошо танцевала. Танцы, какъ извѣстно, конекъ г-жи Капланъ.

Чего-жъ еще отъ нея требовать?.

Смѣшили, по обыкновенію, публику г-жа Варламова и г. Полюнскій.

* * *

По лѣтнимъ концертамъ.

Классическимъ базисомъ программы 6-го симфоническаго концерта въ Сестрорѣцкѣ (2-го іюля) была 3-я, героическая, симфонія Бетховена. „Жаль, что я не знаю военнаго искусства такъ же хорошо, какъ музыкальное; я бы его все-таки побѣдилъ!“ сказалъ Бетховенъ послѣ побѣды Наполеона подъ Іеной. Но нѣтъ сомнѣній, что будь даже Наполеонъ разбитъ Бетховеномъ, онъ самъ былъ бы обезкураженъ, разбитъ своими комментаторами; его разбилъ бы параличъ творчества, если бы онъ зналъ, какія необычайныя, недоступныя даже гению, задачи хотѣли видѣть разрѣшенными въ музыкѣ Бетховена позднѣйшіе критики. Онъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы лично убѣдился, какъ трудно дается даже образованнымъ музыкантамъ именно музыкальное пониманіе музыки, и какъ охотно оно замѣняется обычнымъ суррогатомъ — литературнымъ толкованіемъ. Героическая симфонія сочинена отчасти подъ влияніемъ прямого увлеченія личностью Наполеона, въ которомъ авторъ сначала видѣлъ „героя“, смѣлаго носителя революціонно-демократическихъ идей, отчасти подъ давленіемъ восторженныхъ рѣчей о „консулѣ Бонапарте“, его маршала Бернадота, страстно желавшаго, чтобы Бетховенъ прославилъ ихъ общій кумиръ симфоніей. Послѣ переворота (18 мая 1804 г.), доставившаго „консулу“ императорскій тронъ, Бетховенъ разочаровался въ демократизмъ „героя“, и посвятилъ симфонію кн. Лобковицу. Послѣ смерти Наполеона Бетховенъ сказалъ, что онъ уже „давно написалъ для его (Наполеона) похоронъ подобающую музыку (маршъ симфоніи). Вотъ—вся „исторія“ симфоніи. Но критика вмѣсто того, чтобы установить здѣсь лишь импульсы къ художественному творчеству, стала смотрѣть на симфонію какъ на иллюстрацію къ наполеоновской эпопее. Марксъ открылъ въ первомъ Allegro битву, въ маршѣ—похоронки на полѣ брани, въ скерцо—военныя игры, въ финалѣ—праздники мира. По Улыбышеву въ Allegro изображено, какъ „гвардія дефилируетъ передъ своимъ великимъ капитаномъ“. Ростиславъ ухитрился найти въ скерцо „напоръ кавалерійской атаки на неприятельскую инфантерію“. Согласно Берліозу, въ скерцо изображены „похоронныя игры... какія войны, герои Иліады, устраивали на могилахъ начальниковъ“. Словомъ, дѣло еще не дошло до великолѣпнаго „поцѣлуя Зевса и Христа“, открытаго критикой въ IX симфоніи Бетховена, но критическое глубокомысліе уже граничило съ полнымъ смѣшеніемъ языковъ. Лишь одинъ языкъ упорно игнорировался всѣми и не смѣшивался съ остальными, языкъ самой симфоніи — ея музыка. И лишь Вагнеръ, проповѣдникъ „выразительности“ въ музыкѣ, приблизился къ подлинному пониманію Бетховена. Еще обобщивъ вагнеровское понятіе „героическаго въ самомъ широкомъ смыслѣ“ и перенесъ его прямо на почву самой музыки, мы теперь уже можемъ говорить о музыкальномъ величии, музыкальномъ трагизмѣ музы Бетховена съ полной увѣренностью, что говоримъ именно о тѣхъ „элементахъ“ ея, которые составляютъ самое „существо“ ея. И хотя скачекъ отъ Бетховена-творца до Сука — его интерпретатора—великоватъ, все же надо признать, что Сукъ своимъ яркимъ и убѣдительно исполненіемъ „героической“ симфоніи гораздо скорѣе и вѣрнѣе утверждаетъ въ массѣ правильное пониманіе Бетховена, нежели всѣ его критики. Въ тотъ же вечеръ даны симф. поэма „Янъ Гусъ“ Сука и сюита изъ „Елки“ Ребикова. Поэма обличаетъ въ авторѣ хорошаго техника, опытнаго инструментатора, композитора съ темпераментомъ. Въ поэмѣ слишкомъ много внѣшней помпезности (злоупотребленіе мѣдью), развитой въ ущербъ музыкальному интересу. „Сожженіе Гуса“ — колоритно, сдѣлано подъ Вагнера. Поэма имѣла у публики большой успѣхъ. Сюита Ребикова производитъ кислое впечатлѣніе, какъ и вся опера — сказка изъ отдѣльныхъ нумеровъ которой она составлена. Въ Спб. „Елка“ была 6 лѣтъ тому назадъ исполнена цѣликомъ, но безъ декораций, на одномъ изъ „Вечеровъ Соврем. Муз.“, и — я помню — слушателей еще за долго до конца охватывала скука. То же и теперь. Музыка стала наряdnѣе: она оркестрована (сначала было только фортеп. изд.), но за то многіе приѣмы Ребикова, которые казались подозрительными уже 6 лѣтъ тому назадъ, теперь отзываютъ вполне очевидной дешевкой. Быть бы Ребикову однимъ изъ многочисленныхъ у насъ „учениковъ“ Чайковскаго (страницы подъ Чайковскаго — сравнительно лучшія у Ребикова, напр., „вальсъ“ изъ сюиты), а онъ захотѣлъ быть „новаторомъ“. Безспорно, по нынѣшнимъ временамъ „все дозволено“ въ музыкѣ. Но не надо забывать, что во всѣхъ этихъ параллелизмахъ, переченіяхъ, въ китайскихъ и цѣлтонныхъ гаммахъ, во всѣхъ исключительныхъ и „запрещенныхъ“ послѣдовательностяхъ есть что-то специфическое, что можетъ использоваться только большой и разнообразный талантъ, Штраусъ, Дебюсси, Равель. Подъ руками же автора, не обладающаго достаточно живой фантазіей, тѣ же приѣмы сразу вырождаются въ самый поверхност-

ный „модернизм“. Музыка не приобретает остроты и пикантности, но напротив, становится сугубо сѣрой, скучной, назойливой. Въ какомъ голомъ, непривлекательномъ видѣ подносить Ребиковъ публикѣ свои квинты („Глухая ночь“), какъ однообразна его цѣлостная гамма („Лѣстница ангеловъ“), съ такимъ вкусомъ использованная французскими (Оберъ, „импрессионисты“) и русскими авторами (отъ Глинки до Р.-Корсакова). Ребиковъ ищетъ разныхъ „радикальных“ комбинацій въ музыкѣ, но найдетъ какую-нибудь примитивную экстравагантность, онъ не развиваетъ, не украшаетъ мотива, а лишь повторяетъ его безчисленное число разъ.

Въ заключеніе, еще объ одномъ отрицательномъ впечатлѣніи, которымъ слушатели обязаны солисткѣ вчера, г-жѣ Лукиной, выступившей съ романсами Рахманинова, Garcia-Mansilla и пр. Голосъ пѣвицы такъ вибрируетъ, что каждый звукъ выходитъ, какъ трель. Кромѣ того весь medium этого мнимокоратурнаго сопрано на рѣдкость сухъ и беззвученъ.

Почему такой рѣзкій контрастъ между музыкой и пѣніемъ? Казалось бы, и то и другое по существу одно и то же, а между тѣмъ 7-ой симф. концертъ (9 июля) въ Сестрорѣцкѣ, который принесъ намъ такіа превосходныя вещи, какъ 5-ую симфонию Глазунова и „Тассо“ („Lamento e Trionfo“) Листа,—угостилъ насъ вокальнымъ нумеромъ изъ романсовъ Рахманинова („отрывокъ изъ Мюссе“), Аренскаго („Въ садахъ Итали“), Танѣева („Свѣтлый Праздникъ“), Гречанинова и пр. Даже грубоватый Калининковъ былъ представленъ на этотъ разъ сравнительно удачною симф. картиною, „Кедръ и Пальма“. И вдругъ, въ союзѣ съ благородной симфоніей—салонный романсъ. Какъ осмыслить это явленіе? И пользуясь тѣмъ, что едва ли кто станетъ оспаривать величаво-спокойную красоту симфоніи Глазунова и яркую фантазію Листа, съ удивительнымъ искусствомъ разработавшаго въ своей симф. поэмѣ мотивъ, на который венецанскіе гондолеры до сихъ поръ поютъ стихи Тассо,—я не вѣ примѣръ прочимъ отчетамъ, остановлюсь въ этотъ разъ главнымъ образомъ на вокальномъ нумерѣ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно приходится о немъ говорить лишь вскользь. Въ артистическомъ мірѣ нѣтъ людей, болѣе равнодушныхъ къ жизни искусства, болѣе потакающихъ низменнымъ вкусамъ толпы, вмѣсто того, чтобы развивать ихъ,—какъ пѣвцы и пѣвицы. Но музыка все же живетъ, развивается. И артисты и „толпа“ все же идутъ куда-то медленно, ощупью. И вотъ результаты ихъ „прогресса“, Старая пошлость гг. Врангеля-Блейхмана и т. п. уже кажется слишкомъ откровенной. А потому нужны... о, конечно не настоящіе старые, но бессмертные классики и не истинные новаторы—это пахнутъ кореннымъ перерожденіемъ вкусовъ—нѣтъ, нужны лишь усовершенствованія той же пошлости, ея эволюція. И, конечно, предложеніе не замедлитъ отвѣтомъ на спросъ. И вотъ являются романсы Аренскаго, Гречанинова, Рахманинова, вся эта музыка современнаго салона, которую сразу трудно отнести къ плохой музыкѣ, но которая тѣмъ вѣрнѣе должна быть къ ней отнесена, что въ этихъ романсахъ нѣтъ по существу ни одной свѣжей мысли; въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ той же вульгарности музыкальной фантазіи, лишь наряженной въ костюмъ внѣшней элегантности, дѣланнаго паюса, дряблага драматизма и блестящаго піанизма. О, техника нынче стоитъ высоко, но стобитъ дешево! И автору, при извѣстной технической ловкости, легко удастся заполнить ту пропасть, что до сихъ поръ зіяла между Чайковскимъ и Р.-Корсаковымъ съ одной стороны и Блейхманомъ и К^о съ другой; для этого нужно лишь подновить музыкальный цинизмъ послѣднихъ за счетъ благородства, взятаго на прокатъ у первыхъ. Я въ музыкѣ не ригористъ и признаю не только Рихарда, но и Иоганна Штрауса, допускаю даже элементарно-чувственную поэзію „цыганщины“, даже опереточный шаржъ. Но нѣтъ ничего противнѣе современной салонной музыки, этой пошлости мысли, растворенной въ мастерствѣ формы, этого наряднаго, но противоестественнаго ублюдка отъ высокихъ геніевъ крупнѣйшихъ русскихъ авторовъ и субреточныхъ музъ нашихъ диллетантовъ. А пѣвцы рады. Исполняя Рахманинова и Аренскаго, они „освѣжаютъ“ репертуаръ, но въ то же время остаются при старыхъ вкусахъ. „И волки сыты и овцы цѣлы“. Но музыканты, посѣтившіе концертъ 9 іюля, если и были удовлетворены вышеназванными романсами, то лишь потому, что достоинства исполненія—пѣлъ арт. Имп. т. г. Большаковъ—въ значительной степени компенсировали недостатки исполняемаго. Что до исполненія симфоническихъ вещей, то „шефъ“ сестрорѣцкаго оркестра г. Сукъ былъ по обыкновенію на высотѣ задачи.

Кар-инт.

* * *

Дачные театры.

Сестрорѣцкѣ. Въ народной читальнѣ играетъ труппа драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ К. С. Усольцева-Сибиряка. 13 іюля состоялась бенефисъ этого артиста. Поставленъ былъ „Потонувшій колоколь“ Гауптмана. Бенефициантъ выступилъ въ роли мастера Генриха.

До сихъ поръ прошли слѣдующія пьесы: „Ревизоръ“,

„Ванька ключникъ“, „Деньги“, „Кинь“, „За монастырской стѣной“, „Степной богатырь“, „Двѣ сиротки“, „Соколы и вороны“, „Тюрьма“, „Жидовка“, „Вѣчность въ мгновеньи“, „По завѣтамъ торы“, „Чучело“, „Жертва эгонизма“, „Моріани“, „Идиотъ“. Труппа на разовыхъ. Спектакли, несмотря на скудость обстановки, ставятся прилично.

Лѣтней. 13 іюля праздновалъ свой бенефисъ первый организаторъ дѣтскихъ спектаклей въ Лѣсномъ артистѣ Л. А. Лимантовъ. Шла сказка феерія въ 8 картинахъ „Спящая Царевна“, составленная по сказкѣ В. Жуковского. Въ пьесѣ участвовало 85 дѣтей въ возрастѣ отъ 4 до 16 лѣтъ. Умѣло использовавъ способности своихъ маленькихъ артистовъ, г. Лимантовъ создалъ чрезвычайно стройный ансамбль. Особенно интересно были поставлены танцы—краковякъ, вальсъ фей, тарантелла, русская, кэкъ-уокъ и т. д. Большой успѣхъ имѣла 11-ти лѣтняя артистка, съ цыганскимъ шикомъ пропѣвшая нѣсколько цыганскихъ романсовъ подъ аккомпаниментъ гитары. Тарантелла и кэкъ-уокъ были исполнены болѣе взрослыми дѣвками нѣсколько свободнѣе, чѣмъ „для дѣтей старшаго возраста“, но можетъ быть для дѣтей XX-го вѣка оно такъ и полагается.

Вечеромъ того-же дня состоялся бенефисъ артиста-любителя А. М. Муромскаго. Шли „Двѣ судьбы“.

Сборъ былъ небольшой, что, вѣроятно, отозвалось и на общемъ исполненіи пьесы. Насколько мило и съ искреннимъ подъемомъ прошелъ утренній спектакль, настолько вяло и тоскливо тянулся вечерній. Абсолютная темнота зрительнаго зала во время безконечныхъ антрактовъ не мало содѣйствовала общей скукѣ.

А. Мюс.

Мартышкино. Случайно мнѣ довелось присутствовать на спектаклѣ въ Мартышкинскомъ театрѣ (возлѣ Ораніенбаума). Каюсь, отчасти влекли меня туда необычайно восторженные отзывы о мартышкинскихъ спектакляхъ, появившіеся въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ. Въ нихъ отмѣчались талантливая постановка дѣла, художественное исполненіе и пр. и пр., словомъ, не побывавъ тамъ, можно было подумать, что въ Мартышкинѣ работаетъ инкогнито по меньшей мѣрѣ самъ Станиславскій съ своей труппой. Однако, слухи эти, въ распространеніи которыхъ несомнѣнно повинны дружескія перья, оказались, выражаясь мягко, сильно преувеличенными. На афишѣ значилась пьеса „Превосходительный тестъ“ съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ Дюроше, Пантелѣева, въ дивертисментѣ Риза Нордстремъ, Ада Мартель, В. В. Чеховъ. Нѣсколько страннымъ могъ показаться выборъ пьесы. „Превосходительный тестъ“, скучнѣйшая передѣлка съ нѣмецкаго, дребедень въ духѣ крыловскихъ комедій, претенціозная вещь, начиненная смѣшными словечками, съ неизмѣннымъ брюзгою-генераломъ, тещей, идиотомъ мужемъ, инженеромъ и пр. Но, думалось, можетъ быть талантливымъ исполненіемъ будутъ покрыты недочеты этого невысокой пробы драматическаго произведенія. Такъ иногда бываетъ. Но здѣсь было не такъ.

Одинъ изъ Императорскихъ актеровъ экспромгомъ былъ замѣненъ никому неизвѣстнымъ, очень развязнымъ господиномъ, совершенно не знавшимъ роли, между тѣмъ какъ Императорскій актеръ, занятый въ тотъ вечеръ, по словамъ распорядителей, въ красносельскомъ театрѣ, присутствовалъ тутъ же среди публики. Пьесу начали въ десятую часу и тупили три акта до 12, играли въ манерѣ и тонѣ любителей, вяло, безпомощно или, вѣрнѣе, съ сильной помощью сфелера. Было скучно и досадно за потерянное время. Къ довершенію всего, для пріѣзжей публики пропала самая интересная часть вечера—пѣніе Ризы Нордстремъ и Ады Мартель, такъ какъ, благодаря невозможности затянувшегося спектаклю, чтобы прослушать пѣвицу пришлось бы заночевать въ Мартышкинѣ.

М. В.

* * *

Заграничныя мелочи.

— Въ Ковенгарденскомъ театрѣ въ Лондонѣ недавно состоялась бенефисъ знаменитой Мельба по случаю 20-лѣтія ея артистической дѣятельности. Весь сборъ съ бенефиса—10,000 руб.—Мельба пожертвовала на лондонскіе госпитали.

— М. Метерлинкъ заканчиваетъ новую драму—„Марія Магдалина“. Драма эта пойдетъ съ Лебланъ-Метерлинкъ въ одномъ изъ парижскихъ театровъ.

— Знаменитая труппа народнаго сициліанскаго театра, игравшая въ послѣднее время въ Парижѣ, раскололась на двое: во главѣ одной стоитъ Грассо, во главѣ другой части второй корифей, Агулья. Произошло это дѣленіе не безъ участія извѣстнаго импресарио Шюрмера.

ТЕАТРЪ „ФАРСЪ“

Е. П. Орленева.
(Къ бенефису 21 июля).

Письма въ редакцію.

М. г. Позвольте мнѣ въ интересахъ истины и справедливости на страницахъ Вашего уважаемаго журнала отвѣтить по возможности кратко на ту грязную клевету, которой облилъ меня въ письмѣ, помѣщенномъ въ только сейчасъ мною прочтенномъ № 23 „Т. и Иск.“, актеръ П. О. Медвѣдевъ, повѣствующій въ немъ „о тѣхъ неимовѣрныхъ страданіяхъ и униженіяхъ, коимъ подверглась труппа молодыхъ и интеллигентныхъ артистовъ“, благодаря моей „авантюрѣ“.

Я не буду распространяться о томъ, изъ какого сорта „интеллигентныхъ“ людей состояла моя труппа,—не вся слава Богу, а та часть ея, что позволила себѣ, подтасовавъ факты, облить меня совершенно незаслуженно помоями своей лжи.—Изъ письма г. Медвѣдева выходитъ такъ, что сборы со спектаклей давали мнѣ возможность не только расплатиться полностью съ труппой, покрыть всѣ расходы по предпріятію, но и получить еще какою-то прибылю. Я открыто заявляю и смогу доказать это въ любую минуту всѣми имѣющимися у меня фактическими данными, г. Медвѣдеву и его приснымъ, что его утверждение—бесовѣстная ложь! И, что всего отвратительнѣе, ложь предумышленная, а не ошибочное заблужденіе.—Вотъ выпись моихъ прихода и расхода по печальной моей поѣздкѣ съ труппою „молодыхъ и интеллигентныхъ“ артистовъ:

Приходъ: Въ Кременчугѣ взято за 4 спектакля 607 р. 10 к., въ Константиноградѣ за 5 спектаклей 441 р. Итого 1,048 р. 10 к. Расходъ: За 25 дней дано 9 спектаклей, вечеровой расходъ коихъ, включая сюда и плату за театръ въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, составилъ 684 р. 74 к. Жалованья труппѣ уплачено 540 р. Предварит. расходъ по составленію труппы и приѣзду моему изъ Баку въ Москву 175 р. Провозъ труппы изъ Баку и Москвы до Кременчуга 132 р. Кассиру и контролеру въ поспектакльное погашеніе 100 р. Проѣзъ труппы изъ Кременчуга въ Полтаву 27 р. То-же изъ Полтавы въ Константиноградъ 32 р. Израсходовано передовымъ по снятію Кременчуга 30 р. Тоже по снятію Полтавы 15 р. Задатокъ за театръ въ Полтавѣ 50 р. Расходъ по снятію Лозовой и Павлограда 15 р. Дорога и провозъ моего багажа отъ Москвы до Кременчуга и дальше до Константинограда 40 руб. Всего 1,840 р. 74 к.

Т. е., выгодное предпріятіе дало мнѣ 800 рублей дефициту, для покрытія котораго пришлось прибѣгнуть къ займамъ, пришлось заложить за безцѣнокъ подъ ростовщическіе проценты все мое имущество, включительно до послѣдняго пиджака, и остаться самому въ буквальномъ смыслѣ нищимъ, все лишь для того, чтобы въ концѣ-концовъ нѣкій „интеллигентный“ артистъ—П. О. Медвѣдевъ забросалъ тебя грязью и оплевалъ.

Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы удержать дѣло отъ гибели, и если, не смотря на то, дѣло рухнуло,—не моя въ томъ вина. Но интеллигентные артисты желали кормиться отъ того дѣла, къ которому сами относились, спустя рукава:—ролей не учили, грызлись между собою, разнося по маленькому городу, въ подрывъ дѣлу, закулисныя дрязги. Я могъ-бы многое еще добавить къ этому для выясненія характера разоблаченій,

сдѣланныхъ Медвѣдевымъ, но полагаю, что и сказаннаго вполне достаточно, чтобы поставить на опроверженіи точку. Кончая настоящее письмо, я не постыжусь публично признаться въ дѣйствительно большой и тяжелой винѣ: погнавшись за дешевой, я набралъ въ свою труппу людей мнѣ неизвѣстныхъ и, горе мнѣ, что большая часть ихъ оказалась „молодыми и интеллигентными“ артистами вроде П. О. Медвѣдева.

Примите и пр. С. В. Ланской.

М. г. Въ корреспонденціи изъ Владикавказа, помѣщенной въ № 25 „Театра и Искусства“, г. Ограміонскій, сообщая свѣдѣнія о труппѣ г-жи Бауэръ и о любителяхъ, между прочимъ пишетъ такъ: „Въ своемъ стремленіи конкурировать съ труппою Бауэръ, эти любители на успѣхъ разсчитывать ни въ комъ случаѣ не могутъ“.

Правленіе владикавказскаго драматическаго кружка смѣетъ увѣрить г. Ограміонскаго, что любители никогда не стремились конкурировать съ труппою г-жи Бауэръ. Г-жа Бауэръ дѣлаетъ свое дѣло, прививая владикавказцамъ „Гусарскую лихорадку“ и всякія другія болѣзни, любители же продолжаютъ давно основанное во Владикавказѣ дѣло народнаго театра, цѣль котораго дать недостаточному классу населенія разумное и достойное развлеченіе. Если среди любителей „есть такіе, которымъ слѣдовало-бы навсегда оставить мысль о сценѣ“, то въ труппѣ г-жи Бауэръ имѣется подобныхъ артистовъ не меньше.

Къ спектаклямъ любигелей публика, послѣ краха дѣла въ 1907 году, во главѣ котораго стоялъ артистъ Н. А. Молчановъ, отнеслась съ начала недовѣрчиво. Такъ, первые спектакли—„Житіе привольное“, „Вѣдность не порокъ“ (утренникъ) и „Влѣсть плоти“ только покрыли расходы, слѣдующія же пьесы—„Старый закалъ“, „Вѣлый Ангель“ (2 раза), „Чародѣйка“, „Соколы и вороны“ (бенефисъ артиста М. В. Ляшина) привлекли столько публики, что не хватило билетовъ. Такимъ образомъ факты доказываютъ, что любители успѣшно конкурируютъ съ труппою г-жи Бауэръ, хотя, повторяемъ, дѣло народнаго театра существовало бы и въ нынѣшнемъ году, какъ оно существуетъ уже много лѣтъ, независимо отъ того, держала-бы или не держала г-жа Бауэръ свою труппу. Кружокъ любителей всегда мирно уживался со всѣми труппами, подвизавшимися во Владикавказѣ.

При всемъ томъ, изъ корреспонденціи, помѣщенной въ № 29 „Театра и Искусства“ за 1907 годъ, ясно видно, съ какой стороны ведетъ свое начало конкуренція. Корреспонденція эта буквально гласитъ слѣдующее: „Во Владикавказѣ артисты С. Ф. Бауэръ и Н. А. Молчановъ: въ лѣтнемъ театрѣ Коммерческаго Клуба, *вытѣсняя* мѣстныхъ любителей, увлекаютъ публику фарсиками и общаются даже, „что у васъ есть предъявить?“ „пойдетъ полностью по парижскому изданію пьесы“.

Примите и проч. *Правленіе Владикавказскаго Музыкально-Драматическаго кружка.*

М. г. Покорнѣйше прошу помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее: Въ № 27 „Театра и Искусства“ была замѣтка о прекращеніи оперно-опереточнаго дѣла артиста Грессеръ и неуплатѣ жалованія труппѣ; антреприза была не моя, а гг. Вансовича и Меньщикова, а я былъ только администраторомъ, и выбылъ изъ дѣла по болѣзни—и до послѣдняго дня моего пребыванія въ этомъ дѣлѣ, вся труппа получила жалованіе сполна, дальнѣйшее же теченіе дѣла было уже безъ моего участія въ немъ.

Николай Грессеръ.

Москва.
10 июля 1908 г.

М. г. № 27 уважаемаго журнала Вашего, въ сообщеніи изъ г. Проскурова, вкралась маленькая неточность, которую мы, нижеподписавшіеся, просимъ исправить. Еще задолго до того времени, какъ труппа г. Ростова (исключительно только его одного, а никакого Пальскаго въ труппѣ не было) прекратила спектакли, мы, пять человекъ, вышли изъ ея состава и остались жить въ г. Проскуровѣ не потому, что не имѣли матеріальной возможности изъ него выѣхать, а по своимъ личнымъ, чисто семейнымъ обстоятельствамъ. Оставаясь жить въ Проскуровѣ, мы разъ другой въ недѣлю играли въ м. Меджибужѣ, гдѣ сосредоточенъ лагерный сборъ цѣлаго корпуса войскъ, что, при обезпеченныхъ спектакляхъ, является существенной подмогой. До сихъ поръ мы, слава Богу, еще не голодали, лично отъ себя ходатаеваемъ никакихъ въ Москву въ Бюро не посылали, ни въ чьей, покамѣсть, матеріальной помощи не нуждаемся.

Съ совершеннымъ почтеніемъ А. Тиханова, Л. Волловичъ, Ник. Гр. Пальминъ, Е. К. Пальмина, Н. Тихановъ.

М. г. Заявленіе, за подписью „труппа“, помѣщенное въ № 25 „Т. и И.“ (изъ Бендеръ) совершенно невѣрно. Изъ Бендеръ я никуда не выѣжала, тѣмъ болѣе, не бѣжала. Мой постоянный адресъ: Парижская гостиница; сообщаю его же-

лающимъ. Съ труппой 6 го іюля я честно расплатилась, отдавъ послѣдніе гроши. Осталась должна всего 71 рубль, изъ коихъ Д. Яновскому 38 р. Въ присутствіи исправника г. Тирасполя, я дала слово уплатить и эту сумму въ срокъ не позже мѣсяца. Всѣ согласились, и вся моя труппа теперь играетъ въ Кишиневѣ, исключая Янковскаго, который въ день моего переѣзда изъ Тирасполя въ Бендеры, *безъ суда и даже предварительныхъ переговоровъ* со мною, арестовалъ на вокзалѣ все имущество артиста П. А. Арскаго и часть, — очень незначительную, — мою, главнымъ образомъ мои пьесы и издание моей книги (Мой мірокъ), а также нѣсколько платьевъ и немного бѣлья. Книга жалованій гг. артистамъ у меня хранится. Ею я могу подтвердить справедливость своего заявления, относительно уплаты жалованья.

Я начала дѣло съ 3.000 р., теперь же у меня нѣтъ возможности спасти мои книги и пьесы отъ продажи съ торговъ. И я не стыжусь, пусть стыдятся тѣ изъ имущихъ товарищей, которые прибѣгали ко мнѣ „въ минуту жизни трудную“ и никогда не встрѣчали отказа и телерь, читая эту замѣтку, пусть вспоминаютъ свои обѣщанія, когда я ихъ выручала, часго послѣднимъ рублемъ, быть аккуратнымъ въ расплатѣ. Между прочимъ, г. Литвиновъ Н. П., взявъ у меня аванса 50 руб., даже не отвѣтилъ на мою просьбу вернуть хоть половину, такъ какъ служить ко мнѣ онъ не пріѣхалъ. Напомню еще г. А — ву, который долженъ мнѣ еще прошедшимъ постомъ былъ вернуть 300 руб. и не вернулъ и много такихъ. Однако, я еще ни у кого не требовала денегъ исполнит. листами и судомъ.

Жена ген.-лейт. Н. Вербинскія.

Бендеры.

Малехкая хрочика.

*** Заимствуемъ изъ „Воспоминаній о Римскомъ-Корсаковѣ“ въ „Голосѣ Москвы“ слѣд. не лишены интереса строки:

„А вотъ, что я удивленъ отношеніемъ русскихъ актеровъ къ дѣлу, это — вѣрно. Пріѣхали въ Парижъ, — волнуясь говорить онъ, — и хоть-бы что! Самоуверенности хогъ отбавляй! То опаздываютъ на репетиціи, то и совсѣмъ не приходятъ. Я, старикъ, аккуратно прихожу, а вотъ разныя Кузнецовы опаздываютъ и даже не извиняются — мнятъ себя богами. Вотъ въ Петербургѣ при послѣдней постановкѣ сколько ломалась Кузнецова! Умирать буду — запомню! „Пою, не пою“, — безъ конца! Знаете, даже я не выдержалъ и сказалъ: ну и не пойте! А вѣдь я терпѣливъ... Это ужъ всѣ знаютъ.

— И остальные капризничаютъ?

— Бываетъ. Вотъ въ два часа назначена репетиція, а Шаляпина нѣтъ какъ нѣтъ. Полчаса ждемъ, посылаемъ. Проходитъ часть, а его все нѣтъ. Наконецъ, является и прежде, чѣмъ успѣшь ему что-либо сказать, онъ ужъ колотить себя кулаками въ грудь, хватается за волосы и кричитъ: „Знаю, знаю... Я негодяй, свинья... Простите, закружился“... Ну и начинается самобичеваніе. Что ему скажешь? Хоть и не вѣрю я въ его искренность, но все же онъ меня этимъ обезоруживалъ, и я, махнувъ рукой, брался за работу“...

*** Французы — большіе затѣйники въ области благотворительности. Въ „Русск. Сл.“ находимъ интересную корреспонденцію изъ Парижа.

„Сейчасъ затѣвается постройка убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, — какъ ихъ здѣсь называютъ, „пирическихъ“, — по просту кафе-концертовъ и шантановъ.

Какъ добыть основной капиталъ?

Планъ простой.

Организовали „бродячій лирической театръ“. Большая фирма — Дитрихъ — дала имъ бесплатно вмѣстительный автомобиль.

Въ эту „бродячую труппу“ входятъ лучшіе артисты кафе-концерта. Къ нимъ присоединились и „добровольцы“: Нина Пакъ — изъ Большой Оперы, наша соотечественница Ручина, Перваль — артистъ изъ театра „Водевиль“.

Во время каникулъ „труппа“ совершитъ большое турнѣ по всѣмъ моднымъ курортамъ и будетъ давать представленія на открытомъ воздухѣ.

Сборъ будетъ дѣлаться, какъ подобаешь уличнымъ артистамъ, при помощи шляпъ.

На крышѣ автомобиля, кромѣ багажа труппы, имѣется разборный помостъ, который будетъ воздвигаться, по всѣмъ правиламъ балаганнаго театра, для созыва публики, съ традиционнымъ барабанщикомъ, съ клоуномъ-завывальщикомъ...

Французы любятъ, обожаютъ все, что „rigolo“.

И нетрудно предсказать выдающійся успѣхъ этой антрепризѣ sui generis...“

*** Японская Дуэзъ Сада-Якко, получившая, какъ извѣстно, отъ своего правительства официальную миссію изучить театральное дѣло въ Европѣ и реформировать японскій театръ, совсѣмъ „опарижанилась“. Прежде всего, какъ свидѣтельствуетъ корреспондентъ „Русск. Слова“, она разсталась со

своимъ национальнымъ кимоно, начала одѣваться и причесываться „à la parisienne“.

Она уже все подготовила для „реформы“ японскаго театра.

Переводчики лихорадочно работаютъ надъ переводомъ пьесъ, въ которыхъ Сада-Якко будетъ копировать Сарру Бернаръ, Дуэзъ, Режанъ... Дюма, Сарду — на первомъ планѣ. Сада-Якко будетъ дебютировать въ „Дамѣ съ камеліями“.

*** Нагота на сценѣ. Парижскій судъ разбиралъ 7 іюля одновременно три дѣла по обвиненію въ „оскорбленіи общественной нравственности“, при чемъ, въ одномъ случаѣ парижскія Десмондъ появлялись въ пантомимѣ „Criserie d'Ether“ не нагая, а въ очень прозрачныхъ тюлевыхъ сорочкахъ, которыя — какъ выразилось обвиненіе — „болѣе раздражали и возбуждали, чѣмъ что-нибудь прикрывали“. Въ другомъ случаѣ, въ маленькомъ театрѣ „Фоли-Рояль“, артистки обвинялись не столько въ томъ, что являлись нагими на сценѣ, но — какъ гласитъ обвиненіе — „за ихъ тѣлодвиженія и жесты, вызывающіе лезбіискія впечатлѣнія“. Наконецъ третій случай. Въ театрикѣ „Фоли-Пигаль“, артистка Аймосъ появилась нагая въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, на сценѣ, за прозрачною завѣсою, на которой были расписаны облака. При этомъ, сія „мученица цѣломудрія“ — какъ выразился ея адвокатъ — „рѣшилась сдѣлать свое тѣло совершенно подобнымъ статуѣ“.

Прокуратура требовала безусловнаго обвиненія: „Если въ древней Греціи, нагота не считалась неприличной, то эволюція нравовъ, происшедшая съ тѣхъ поръ, совершенно измѣнила все это. То, что считалось истиной до христіанской эры, стало затѣмъ ересью. Нечего поэтому опираться въ двадцатомъ столѣтіи на древнюю Грецію“.

Директора театровъ „Фоли-Рояль“ и „Фоли-Пегаль“, и ихъ артистки оправданы.

Третій театръ наготы — Litre Palas — подвергся суровой карѣ. Пантомима этого театра „Опьяненіе эфиромъ“ найдена судомъ грубою, неприличною, вызывающею и неимѣющею ничего общаго съ искусствомъ.

Директоръ театра присужденъ къ тремъ мѣсяцамъ, двѣ артистки къ двумъ недѣлямъ тюремнаго заключенія.

*** Изъ воспоминаній о капеллѣ Д. А. Славянскаго, напечатанныхъ въ „Кіевск. Мысли“:

„Въ составѣ капеллы часто попадались люди съ прекрасными, рѣдкими голосами, но и съ далеко не рѣдкими пороками пьянства и запоя.

За пять минутъ до начала концерта вдругъ докладывали, что какая-нибудь октава „забросила якорь“ въ трактирѣ, положила народное боярское одѣяніе и сидитъ въ костюмѣ Адама, дожидаясь выкупа...

— Выкупить, чортвъ сыны! Безъ меня некому „замирать“... Выкупить...

„Замирать“ — особый пѣвческой терминъ. Агреневу-Славянскому особенно удавалось иллюзія постепеннаго удаленія и замиранія. Точно бурлаки съ бичевой или рабочіе проходятъ мимо васъ, и пѣсня постепенно умираетъ, то вдругъ, на мгновеніе усиливаясь, точно подхваченная случайно налетѣвшимъ вихремъ, то умирая на еле уловимыхъ тонахъ...

Для этихъ-то послѣднихъ мгновеній и незамѣнимы бывали глубокие „октависты“ и залетные тенора. Они знали себѣ цѣну и потому часто забрасывали „якорь“ въ ожиданіи выкупа“.

По провухціи.

Владивостонь. 30 іюня закончились спектакли опереточной труппы г. Арнольдова.

Владивостонь. 8 іюля въ камерѣ мирового судьи разсматривалось уголовное дѣло по обвиненію режиссера труппы Бауэръ Николая Андреева въ нанесеніи обиды на словахъ артисткѣ Ольгѣ Волховской. Г-жа Волховская, исполняя на сценѣ свою роль, преждевременно произнесла одну фразу, объяснивъ свою оплошность разстройствомъ нервовъ. Андреевъ замѣтилъ г-жѣ Волховской — „не слѣдуетъ быть на сценѣ, а надобно отправиться въ сумасшедшій домъ“.

Мировой судья послѣ многократныхъ напрасныхъ предложеній окончить дѣло миромъ приговорилъ г. Андреева къ двухнедѣльному аресту.

Житомиръ. Мы ужъ сообщали о крахѣ антрепризы И. И. Гедеке.

Какъ передаютъ газеты, Гедеке, запутавшись въ долгахъ 6 іюля ночью бѣжалъ изъ Житомира, оставшись должнымъ довольно крупная суммы актерамъ, типографіи, капельдинерамъ, рабочимъ и др.

Кострома. Съ 8 іюля въ лѣтнемъ театрѣ начались спектакли драм. труппы г. Воробьева-Львинскаго.

Н. Новгородъ. Въ незавидное положеніе попалъ артистъ М. Г. Шевченко. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ имъ было подано заявленіе въ ярмарочный комитетъ о желаніи снять Лубянской театръ.

„Комитетъ“, рассмотрѣвъ мое заявленіе, — рассказываетъ въ

„Нижер. Листкѣ“ г. Шевченко,—принялъ мои условия и выдалъ мнѣ документъ, удостовѣренный подписью предсѣдателя П. М. Калашникова, что театръ сдать мнѣ, и что окончательныя условия будутъ заключены со мною по выясненіи размѣровъ казенной ассигновки на нужды ярмарочныхъ развлеченій. Основываясь на этомъ документѣ, я сформировалъ труппу и организовалъ дѣло, нѣкоторымъ изъ служащихъ и артистовъ мною были уже разосланы авансы“. И вдругъ въ застѣданіи 5 іюля комитетъ сдаетъ театръ г. Браиловскому. Оказывается, комитетъ повѣрилъ слухамъ, будто Шевченко боленъ, будто на его леченіе собираютъ по лавкамъ деньги и, даже, что онъ умеръ.

„Меня удивляетъ,—пишетъ далѣе г. Шевченко,—какимъ образомъ учрежденіе можетъ измѣнять свое рѣшеніе, отнимать работу у десятковъ людей на основаніи какихъ-то сплетенъ. Въ какое положеніе поставленъ я передъ моими артистами и служащими! Довѣріе ихъ ко мнѣ теперь будетъ подорвано безъ всякой моей вины. Причинивъ мнѣ крупный матеріальный ущербъ, комитетъ, такимъ образомъ, бросилъ тѣнь на мою артистическую репутацію, которая до сихъ поръ, за мою 28-лѣтнюю сценическую дѣятельность, ничѣмъ запятана не была“.

У г. Шевченко, несомнѣнно, есть основаніе искать убытки съ комитета судомъ.

— Между Медвѣдевымъ и приглашеннымъ въ труппу на зимній сезонъ г. Орловымъ-Чужбининимъ произошло какое-то крупное недоразумѣніе, результатомъ котораго явился отказъ г. Орлова-Чужбинина отъ службы у г. Медвѣдена.

Саратовъ. Въ театрѣ Очкина, въ труппѣ г. Панормова-Сколяскаго съ 18 іюля начались гастроли г. Глаголина.

Севастополь. Съ 11-го іюля въ лѣтнемъ гор. театрѣ начались гастроли М. М. Петипа.

Сызрань. При редакціи газеты „Сызранское Утро“ открытъ сборъ пожертвованій въ пользу оставшейся безъ всякихъ средствъ семьи трагически погибшаго актера В. А. Милюдова. Открывая подписку, газета между прочимъ говоритъ, что общество должно подтвердить свое сочувствіе не только словами, но и дѣломъ и просить добрыхъ людей направлять пожертвованія на имя конторы газеты. Адресъ: г. Сызрань, Симбирской губ. Конторѣ газеты „Сызранское Утро“.

Тифлисъ. Главнымъ кавказскимъ начальствомъ, какъ сообщаетъ „Кавказъ“, уважено ходатайство армянскаго драматическаго общества о разрѣшеніи открытія подписки въ мѣстностяхъ, населенныхъ армянами, на сборъ пожертвованій для постройки въ Тифлисъ собственнаго зданія армянскаго театра, въ ознаменованіе 50-лѣтія существованія послѣдняго.

Уфа. На дняхъ открываются спектакли оперной труппы, подъ управленіемъ г. Федорова. Труппа пробудетъ мѣсяць.

Харбинь. 29 іюня закончились спектакли драмат. труппы И. М. Арнольдова, а съ 3 іюля открылись въ театрѣ Арнольдова спектакли опереточной труппы подъ управл. И. Д. Болдырева. Гл. капельмейстеръ Ф. В. Валентетти.

— 23 мая въ Пограничномъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по апелляціонной жалобѣ защитника интересовъ г. Арнольдова, на постановленіе мирового судьи, присудившаго въ пользу артиста Смоленскаго 646 р. Окружный судъ, отмѣнивъ рѣшеніе мирового судьи, постановилъ взыскать съ г. Арнольдова въ пользу г. Смоленскаго неустойки и жалованья, въ общей сложности 1540 рублей.

„Въ этомъ процессѣ, говоритъ газ. „Харбинь“, наибольшій интересъ представляла и произвела впечатлѣніе на присутствующую публику „этика“ гг. мѣстныхъ артистовъ, которые, выступая противъ г. Смоленскаго, настаивали, что въ силу принятой въ ихъ средѣ этики артистъ обязанъ являться на спектакль, не взирая ни на какія его разногласія и инциденты съ антрепренеромъ вплоть до возможнаго нанесенія послѣднимъ артисту оскорбленія дѣйствіемъ“.

Изъ запиской книжки „Театральнаго старожилѣ“.

Въ началѣ 80-хъ годовъ дебютировала на сценѣ Алекс. театра А. Я. Глама-Мещерская, для перваго дебюта сыгравшая роль Офеліи, а для втораго Софью въ „Горѣ отъ ума“. П. А. Каратыгинъ по поводу этихъ спектаклей написалъ слѣдующее четверостишіе:

Офелія съума отъ горя сходитъ,
И эта роль вамъ удалась весьма,
Но вашъ талантъ сомнѣніе наводитъ,
Когда играете вы „Горѣ отъ ума“.

Въ бенефисъ Монахова была поставлена комедія „Новѣйшій Митрофанъ“. Провалъ былъ полный: не смотря на участіе Монахова, П. Васильева и др., пьеса послѣ 2 спектаклей была снята съ репертуара. Тотъ же П. Каратыгинъ по этому поводу сказалъ слѣдующій экспромптъ:

Новѣйшій Митрофанъ, какъ прежній, такъ же тупъ,
Неугомоненъ и капризенъ,
А авторъ нынѣшній настолько вышелъ глупъ,
Насколько былъ уменьъ фонъ-Визинъ.

Киселевскій игралъ въ „Старомъ баринѣ“ друга его Бухарцева и игралъ прекрасно. Заглавную роль блестяще исполнялъ В. В. Самойловъ. Потомъ Киселевскій сыгралъ стараго барина и конечно не могъ идти въ сравненіе съ Самойловымъ. На вопросъ, какъ нравился его исполненіе, Монаховъ, указывая на стоявшаго недалеко Самойлова, сказалъ:

Вотъ настоящій Старый Баринъ
Тебѣ бы, Ваня, я сказалъ,
А ты за то будь благодаренъ,
Что хогъ въ друзья къ нему попалъ...

Актеръ-чтець А. Полонскій игралъ Гамлета и Репетилова и получилъ отъ Монахова слѣдующее посвященіе:

Другъ, не сердись, вѣдь я не изъ зоильовъ,
А говорю, какъ искренній поэтъ:
Въ Гамлетѣ ты смѣшонъ, какъ пьяный Репетиловъ,
А въ Репетиловѣ печаленъ, какъ Гамлетъ.

Сущность театра *).

Т. Лессинга. Перев. Е. К.

(Продолженіе.—См. № 28).

Психологія театра.

Братъ мой, за твоими мыслями и чувствами скрывается могущественный повелитель, невѣдомый мудрецъ, имя которому я. Онъ вселился въ твое тѣло, сталъ твоею плотью. *Писше.*

Некрасивые скульпторы могутъ творить красивыхъ людей, популярныя моралисты нерѣдко обладаютъ низменной душой, многіе ученые, изучавшіе всю свою жизнь «психологію», не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о человѣческой душѣ. Поэтому неудивительно, что письма, дневники и мемуары представляютъ нерѣдко въ психологическомъ отношеніи больше интереса, чѣмъ сотни, такъ называемыхъ, научныхъ книгъ. Но есть цѣлая категория мемуаровъ, которые составляютъ исключеніе. Это мемуары актеровъ, посвященные театру. Теперь появилось множество біографій нѣмецкихъ артистовъ, начиная съ Аншюца и Шредеръ-Девриентъ и кончая Зонтагомъ, Гаазе и Барнаемъ. Попробуемъ разобраться въ этой литературѣ. Я положительно ужаснулся, когда прочелъ мемуары Барная. Что это за люди?! Небывалые успѣхи въ такой-то и такой-то роли. Аудіенція у его свѣтлости и чуть ли не у его величества. Красный орденъ на голубой лентѣ и голубой орденъ на красной лентѣ. Выпряженные лошади, банкеты, 25 лавровыхъ вѣнковъ. Да развѣ это жизнь? Развѣ вы родились только за этимъ? Вы не знаете ни холода, ни голода, ни любви, ни страданій. Развѣ только за этимъ созданы мириады міровъ? А ваша «дружба» и «любовь»? Вы дружны съ барономъ фонъ Ц., съ меценатомъ Губеромъ, съ извѣстнымъ рецензентомъ Блуменколемъ. Вы любите гвардейскаго поручика графа Притвица и принца крови. «И это міръ и это твой міръ!» Мемуары Карла Зонтага понравились мнѣ болѣе другихъ. Онъ былъ хорошій товарищъ, чувствовалъ потребность въ вѣрности и искренности, но и для него каждый новый орденъ является знаменательнымъ событіемъ. Его пребываніе въ Нью-Йоркѣ, Мадридѣ и Берлинѣ замѣчательно только тѣмъ,

*) „Theater seele“ Th. Lessing, Berlin, 1908. 2 изд. Брошюра молодого провинціального критика, по случайному совпаденію носящаго имя знаменитаго автора „Гамбургской драматургіи“, имѣла большой успѣхъ въ Германіи, и въ теченіи года выдержала 2 изданія. Мы переводимъ наиболѣе интересныя главы этого любопытнаго труда“.

Ташкентская драматическая труппа Э. А. Малиновской и А. В. Полонскаго. Лѣтній сезонъ 1908 г.

что о немъ сказалъ или написалъ такой-то. Но ужаснѣе всѣхъ мемуары стараго Гаазе. Они названы «Пережитое». Посмотримъ, что онъ «пережилъ». Во Франкфуртѣ онъ сидѣлъ въ отелѣ Шванъ за однимъ столомъ съ Шопенгауеромъ, и Шопенгауеръ сказалъ ему: «Дорогой г-нъ Гаазе, какъ вы вчера великолѣпно играли!». Потомство можетъ не только прочесть объ этомъ, но и полюбоваться соответствующей картинкой: направо Шопенгауеръ, налево Гаазе. Престарѣлый императоръ Вильгельмъ пригласилъ его къ себѣ и ласково сказалъ ему: «Дражайшій г-нъ Гаазе, вы привели меня вчера въ восторгъ своей игрой». А объ остальныхъ «замѣчательныхъ» людяхъ, т. е. такихъ, которыхъ можно встрѣтить въ словарь Брокгауза, онъ упоминаетъ только вскользь *en effigie*, какъ о случайныхъ знакомыхъ, которые иногда наступали ему на ногу и извинялись. Зато, когда его поцѣловала принцесса (въ качествѣ «кавалера» ему не слѣдовало бы открыто заявлять объ этомъ), онъ обезумѣлъ подобно Тассо. Вообще, здѣсь есть многое, надъ чѣмъ можно посмѣяться. Но все это имѣетъ за собою долю основанія. Это объясняется извѣстными законами. Съ этими законами необходимо познакомиться. А людей, которые наивно восторгаются собою, слѣдуетъ «терпѣть».

Почему актеръ питаетъ склонность къ мишурѣ? Шиллеръ говоритъ: «*Dem Mimen beut die Nachwelt keine Kränze*». Многие раздѣляютъ это мнѣніе: актеръ не долженъ стремиться къ недостигаемымъ гранямъ жизни, онъ долженъ пользоваться моментомъ, брать то, что подъ рукой. Это опять-таки вѣрно, но не совсѣмъ. Прежде всего поймите слѣдующее: дра-

матическое искусство есть изображеніе души. Но оно духовно лишь постольку, поскольку тѣло можетъ «выразить» душевныя волненія. А послѣднія выражаются посредствомъ измѣненія формы, т. е. посредствомъ всякаго движенія—начиная съ темпа, ритма, модуляціи, интенсивности и ударенія на извѣстныхъ словахъ и кончая едва слышнымъ шопотомъ, заламываніемъ рукъ и неуловимой выразительностью взгляда. Всякое тѣло есть языкъ. Всякая форма есть языкъ. Мы глядимъ на произведеніе скульптора и понимаемъ: этотъ затылокъ изобличаетъ гордость. Эти глаза выражаютъ печаль. Эта пятка свидѣтельствуетъ о молодости и о желаніи танцовать. Эти морщины говорятъ о жизни, полной труда и лишеній. Всякое тѣло есть языкъ. Поэтому, языкомъ можетъ служить почеркъ, походка, физиономія, поступь. Все это даетъ намъ возможность познакомиться со склонностями человѣка, съ его внутренней жизнью. И всѣ языки, въ собственномъ смыслѣ слова, начиная съ примитивнаго языка животныхъ и кончая языкомъ математическихъ формулъ и химическихъ соединеній, всѣ эти языки болѣе или менѣе окольными путями приходятъ къ тому, что все-таки—должно быть «пережито». И даже мы, т. н. мыслящіе люди, сумѣвшіе заключить живую жизнь въ рамку отвлеченныхъ понятій,—даже мы не имѣли бы возможности объясняться, если бы въ нашемъ распоряженіи не было другого, непосредственнаго языка, который чувствуется въ каждомъ проявленіи «живого» организма.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всего важнѣе для актера. Тѣло—это все. Но лишь постольку, по-

сколько оно выражаетъ душевную жизнь. Поэтому первое, что слѣдуетъ усвоить актеру—это сознательная культура движеній, т. е. жестовъ, мимики, модуляціи голоса, выразительности глазъ, лица, походки, рукъ, костюма. Это единственное искусство, гдѣ человѣческое тѣло является въ одно и то же время субъектомъ и объектомъ своего могущества. Поэтому никакое другое искусство не требуетъ такихъ заботъ о своемъ тѣлѣ и ни на одномъ изъ нихъ не отражается столь пагубно недостатокъ тренировки.

Но это постоянное культивированіе своего я имѣетъ и оборотную сторону. Искусство, изображающее жизнь, не есть жизнь. Для актера самымъ существеннымъ является не то, что онъ чувствуетъ и представляетъ изъ себя въ извѣстный моментъ, а то, чѣмъ онъ долженъ казаться въ глазахъ зрителя. Актеръ живетъ въ воображеніи другихъ. Онъ является ежеминутно тѣмъ, чѣмъ онъ вамъ кажется. Каждый мыслящій артистъ навѣрно содрагается при мысли объ этомъ эстетическомъ условіи. Никому нѣтъ дѣла до того, любите вы или ненавидите другъ друга въ вашей личной жизни. Ромео и Юлія могутъ внутренне выцарапать другъ другу глаза отъ зависти и вражды, но ихъ жесты должны выражать возвышенныя чувства. Это понятно людямъ лишь постольку, поскольку душевную жизнь можно конкретизировать, т. е. иными словами, ограничить.

Въ силу непостижимаго закона, артистъ способенъ воспроизводить лишь то, что онъ чувствуетъ не глубоко, что онъ можетъ до нѣкоторой степени отдѣлать отъ себя, объективировать. Будьте увѣрены, что если какой-нибудь артистъ попытается показать зрителямъ дѣйствительныя муки, онъ сдѣлается предметомъ насмѣшекъ. Но зато Тальма можетъ прочесть самый безсодержательный монологъ съ такимъ разнообразіемъ жестовъ и интонацій, что заставитъ публику плакать и смѣяться. Ни одинъ артистъ не долженъ выступать въ роляхъ чужого «амплуа» и изображать на сценѣ то, что онъ переживаетъ въ жизни. Неприкрашенная правда на сценѣ такъ же далека отъ «искусства», какъ «актерство» въ жизни далеко отъ «естественности» на сценѣ. Существуетъ предрасудокъ, будто всѣ великіе артисты актерствуютъ въ жизни. Этотъ предрасудокъ вытекаетъ изъ непониманія чисто эстетическихъ условій драматическаго искусства.

Теперь перейдемъ къ второму закону. Я уже не могу пережить то чувство, которое я изображаю. Видѣли ли вы когда-нибудь, какъ южные народы справляютъ похороны. Это лучше всякаго театра. Они дѣйствительно испытываютъ горе, но хотятъ въ то же время изобразить его. Они рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь, проливаютъ показныя слезы (особенно когда видятъ, что ихъ кто-нибудь жалѣетъ). Все это наполовину комедія. Изображая свое собственное горе, они тѣмъ самымъ освобождаются отъ него. Они даже наслаждаются собственными страданіями, гордятся ихъ величіемъ. Эти эстеты, эти дѣти забавляются даже смертью. Какъ только у нихъ умираетъ отецъ или невѣста, они хватаются за старое, но испытанное средство. Они «устраиваютъ сцену». Зовутъ сосѣдей, плакальщицъ, звонятъ въ колокола, совершаютъ богослуженіе, курятъ еиміамъ, кричатъ, плачутъ, дѣлятся своимъ горемъ со всѣми и, такимъ образомъ, доля каждаго уменьшается. Театръ—это естественная потребность некультурныхъ людей. Только на высокихъ ступеняхъ культуры дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь другое правило: *on doit savoir mourir avec noblesse*. Здѣсь надо умирать не пикнувъ, въ одиночку. Греки высту-

пали въ битву молча, а троянцы съ крикомъ и шумомъ.

Это «олицетвореніе» душевной жизни вовсе не такъ просто. Оно наводитъ насъ на мысль о странной психологии искусства. Вы видите на улицѣ совершенно посторонняго человѣка и понимаете, что онъ удрученъ. Вы видите только его спину и знаете, что онъ чѣмъ-то гордится. Какъ это объяснить? По мнѣнію психологовъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сужденіемъ и заключеніемъ. Изъ того, что мы привыкли испытывать на себѣ, мы выводимъ заключеніе о томъ, что должны чувствовать другіе. Напр.: ты знаешь, что у тебя такая-то поза выражаетъ гордость, а такой-то взглядъ—печаль. Эта «ассоціація по опыту» переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе. И теперь мы знаемъ, какая поза выражаетъ гордость, какой взглядъ изобличаетъ печаль.

Существуетъ нелѣпое мнѣніе, будто знаніе души достигается путемъ логическихъ выводовъ. Въ учебникахъ психологии значится: мы судимъ о душевной жизни другихъ посредствомъ истолкованія ихъ движеній. Значитъ, ощущенія другихъ передаются намъ не прямо, а косвенно «путемъ истолкованія». Отсюда видно, какъ далека бываетъ научная истина отъ обыденныхъ, непосредственныхъ переживаній человѣка. Я никогда не замѣчалъ, какъ выглядила моя спина въ то время, когда я испытываю гордость, и никогда не становился передъ зеркаломъ въ минуты огорченія. И тѣмъ не менѣе, глядя на спину посторонняго человѣка, я прихожу къ заключенію, что онъ чѣмъ-то гордится, а смотря ему въ глаза, рѣшаю, что его что-то удручаетъ. И это объясняется тѣмъ, что при видѣ его позы и взгляда его гордость и печаль передаются мнѣ самому. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ необъяснимыхъ примѣровъ внушенія. Мы всегда стремимся къ тому, что созерцаемъ т. е. въ насъ всегда обнаруживается извѣстная тенденція къ воспріятію различныхъ проявленій того, что мы созерцаемъ; если-же эти проявленія противорѣчатъ нашимъ біологическимъ свойствамъ, то они вызываютъ въ насъ душевныя движенія противоположнаго характера. Это вопросъ очень сложный. Но мы рассмотримъ его лишь постольку, поскольку онъ касается сцены и актеровъ.

Какимъ образомъ актеръ воздѣйствуетъ на нашу душу при помощи своего тѣла? Какими законами обуславливается это явленіе? Обратимся опять къ сравненію. Всякое проявленіе внутренней жизни въ предѣлахъ театра (независимо отъ того, что это «иллюзія») уподобляется до нѣкоторой степени массовому внушенію, которое имѣетъ мѣсто напр. при общей паникѣ. Предположимъ, что такая паника охватываетъ табунъ лошадей. Что должно произойти? Допустимъ, что какая-нибудь наиболѣе впечатлительная лошадь испугалась при видѣ незнакомаго предмета. Она сдѣлаетъ при этомъ движеніе «ужаса». Близъ стоящая лошадь «замѣтитъ» это. «Замѣтитъ» то или другое движеніе значитъ ощутить въ себѣ тенденцію къ воспроизведенію его. Потому что всякое созерцаніе и воспріятіе жизненныхъ явленій заставляють насъ связывать воспріятное съ личными переживаніями. Люди невоспитанные т. е. несдержанные и легко поддающіеся внушенію отражаютъ на себѣ всѣ внѣшнія явленія. Такъ, многіе изъ нихъ гордо выпрямляются при видѣ величественной статуи или раскачиваются на концертѣ въ тактъ музыки. Всякій, кто пробовалъ продѣлывать передъ зеркаломъ движенія, соотвѣтствующія тому или другому аффекту, знаетъ, какъ легко привести себя этимъ въ надлежащее

настроение. Поэтому многие могут заплакать въ любой моментъ, для этого имъ стоитъ только подойти къ зеркалу и при-

БЕРЛИНСКИЙ СЕЗОНЪ.

„Троеженецъ“, оперетка.

до только спокойно усѣсться и старательно избѣгать движения мускуловъ. Благодаря этому, лошадь, перенявшая движение ужаса, познаетъ такимъ путемъ и самое ощущение, его вызвавшее т. е. пугается *действительно*. Третья лошадь продѣлываетъ то-же движение подъ вліяніемъ «внушения» съ двухъ сторонъ, четвертая—съ трехъ и т. д. Чѣмъ больше количество одинаковыхъ «впечатлѣній», тѣмъ интенсивнѣе проявление ужаса.

Попробуемъ приложить этотъ выводъ къ театру. Это поможетъ намъ уяснить себѣ многія особенности сценической психологии. Такъ, наприимѣръ, для насъ станетъ очевидно, что душевное движение артиста передается посредствомъ внѣшняго проявленія *одному* только зрителю и ужъ отсюда распространяется на весь театръ. Ибо для того чтобы произвести впечатлѣніе на массу непосредственно, жестъ долженъ быть грубымъ и зауряднымъ.

Пока сцена есть достояніе большинства, это большинство будетъ всегда находиться въ зависимости отъ сценическихъ впечатлѣній. Я не думаю, чтобы эта «сознательная иллюзія», эта «жизнь по заранее опредѣленному маршруту» действительно служила основой эстетическаго наслажденія, какъ увѣряютъ нѣкоторые эстетики. Но я знаю лишь одно: самый фактъ «единодушія» есть необходимое условіе всякаго художественнаго впечатлѣнія. Къ этому надо прибавить еще слѣдующее: человѣкъ типичное социальное животное. Онъ стремится къ единомыслию. Онъ радъ, что можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ подѣлиться своими чувствами съ цѣлою группой себѣ подобныхъ. Въ этомъ обнаруживается то же стремленіе къ «симпатіи», которымъ объясняются всѣ человѣческія отношенія, всѣ проявленія любви и ненависти. Какъ только мы появляемся въ обществѣ, насъ начинаютъ чѣмъ-нибудь угощать. Скрытая психологическая причина этого обычая заключается въ томъ, что когда извѣстной группѣ людей присуще какое-нибудь общее чувство (будь то хоть обыкновенная реакція на вкусовые ощущенія), эта группа проникается общимъ настро-

еніемъ, объединяющимъ людей различныхъ взглядовъ и профессій.

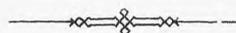
Этотъ законъ симпатіи объясняетъ намъ многое. Всякое душевное движеніе, которое передается отъ артиста къ зрителю, производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ больше количество зрителей. Здѣсь происходитъ то-же что и съ лошадьми. Если хоть десятокъ лошадей будетъ охваченъ паникой, всѣ остальные непременно обратятся въ бѣгство. То, что при чтеніи вызываетъ въ насъ только улыбку, на сценѣ сопровождается гомерическимъ хохотомъ. Малѣйшій промахъ, незамѣтный въ обыденной жизни, можетъ совершенно извратить самую тонкую игру, вызвать неожиданный взрывъ смѣха и погубить самую лучшую намѣренія. Поэтому успѣхъ артистовъ зависитъ часто отъ случайностей и непредвидѣнныхъ возможностей. Иногда общеніе между артистомъ и зрителями вдругъ нарушается. И тогда становится непонятнымъ, почему на этотъ разъ пьеса не произвела на насъ такого впечатлѣнія, какъ прежде. Чѣмъ глубже извѣстная эмоція, тѣмъ она продолжительнѣе. Только образованная публика способна быстро отрѣшиться отъ своихъ воспріятій. А люди некультурные носятся со своими впечатлѣніями очень долго.

Поэтому намъ часто кажется, что у публики еще до поднятія занавѣса сложилось извѣстное предубѣжденіе, которое должно рѣшить судьбу цѣлаго акта. Къ такимъ предубѣжденіямъ относится между прочимъ и все, что публика знаетъ или читала, т. е. большинство рецензій, сплетенъ и рекламъ. Если я сто разъ напишу о той или другой пѣвицѣ, что она не въ голосѣ, то въ концѣ концовъ окажется, что она дѣйствительно не въ голосѣ. Точно также многие изъ такъ называемыхъ «любимцевъ» публики пользуются этимъ преимуществомъ только потому, что они неотступно увѣряютъ всѣхъ и каждого, будто они дѣйствительно «любимцы». Этимъ же психологическимъ закономъ объясняется и то, что величина аудиторіи имѣетъ рѣшающее значеніе въ

„2 × 2 = 5“.

смыслѣ успѣха драматическихъ произведеній и отдѣльных исполнителей. Среди артистовъ выдѣляются два рѣзко противоположныхъ типа. Одни годятся только для большихъ театровъ, потому что ихъ исполненіе отличается рѣзкостью контуровъ. Другіе производятъ больше впечатлѣнія въ тѣсномъ кругу зрителей, потому что ихъ сила заключается въ богатствѣ и разнообразіи нюансовъ. Но наряду съ этими главными типами существуетъ множество другихъ категорій.

ПАРИЖСКИЙ САЛОНЪ.

Лунза-Амели Ландрэ.—„Модистка“.

❧ С и л у э т ы . ❧

А. Л. Волинскій.

Небольшая, полутемная комната. У окна маленький столикъ, покрытый вязанной скатертью. На столѣ бутылочка чернилъ, ручка съ перомъ, нѣсколько тетрадокъ и пара книгъ. Справа около стола, въ узкомъ углубленіи стѣны—простая желѣзная кровать.

По стѣнамъ прекрасныя репродукціи греческихъ и итальянскихъ статуй, пара рѣдкихъ картинъ-иконокъ.

Изъ этой комнаты дверь ведетъ въ большую, почти квадратную комнату, также слабо освѣщенную солнцемъ. У двухъ стѣнъ дубовыя книжныя полки, снизу доверху. Среди черныхъ гладкихъ кожаныхъ корешковъ книгъ выдѣляются старыя желтыя корешки огромныхъ фоліантовъ. Тамъ греческія, іудейскія, ассирійскія, арабскія и другія книги. По стѣнамъ картины французскихъ и голландскихъ художниковъ 17-го—18-го вѣковъ.]

Здѣсь есть Ватто, голландскіе мастера.

А. Л. Волинскій—небольшого роста, худой съ бритымъ лицомъ, съ какой-то особенной, сосредоточенной затанностью въ движеніяхъ и выраженіи сѣрыхъ глазъ.

Съ перваго взгляда онъ производитъ впечатлѣніе корректно-сдержаннаго и всегда ровнаго чело-вѣка. Есть что-то англійское въ его манерѣ обращенія съ полу и едва знакомыми съ нимъ людьми.

Зато съ людьми болѣе близкими онъ сердеченъ, милъ и даже нѣженъ. Правда, нѣжность его немного какъ-бы осторожная. О книгахъ, философіи, литературѣ—онъ ведетъ разговоръ непринужденно, просто высказывая свое мнѣніе.

Литература, искусство—для него понятія, тождественныя съ жизнью. Онъ не знаетъ жизни внѣ искусства, внѣ красоты. У него широко и глубоко,—скорѣе глубже, чѣмъ шире—развито чувствованіе красоты.

Онъ жадно ищетъ ее, атмосферу ея и если ея

нѣтъ вокругъ, онъ мысленно переносится къ мѣстамъ, эпохамъ, связаннымъ съ ней.

Всѣ, кто читалъ книги Волинскаго, знаютъ клокочущій, сказалъ бы я, языкъ ихъ, словно авторъ этихъ книгъ захлебывается.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ говоритъ.

Маленькій, тщедушный, немного угловатый въ своей намѣренной «застегнутости»,—онъ преображается, перерождается, когда говоритъ.

Не замѣчаешь, что онъ произноситъ букву р, слегка картавя, что короткіе жесты его отчасти рѣзки, отчасти надорваны.

Какой-то внутренней огонь окрашиваетъ пламенемъ его рѣчь.

Говорить мысль, рожденная въ ясной лазури сознанія.

Она лется прозрачною струей, становится шире, превращается въ ручей, потомъ, какъ будто, задѣвъ скалы, перемываетъ ихъ и падаетъ клокочущимъ, сверкающимъ на солнцѣ потокомъ.

Такіе люди должны говорить.

Я утверждаю: призваніе А. Волинскаго—говорить, съ кафедры, съ трибуны, на площадяхъ,...

Волинскій стоитъ въ сторонѣ отъ современной русской литературы.

Онъ и въ первый періодъ своей литературной дѣятельности занималъ обособленное, едва ли не самое обособленное среди русскихъ писателей, положеніе. Это его рокъ, ибо онъ боець по натурѣ.

Онъ, провозгласилъ въ свое время слово въ защиту предвосхищеннаго имъ русскаго декадентства,—и былъ осмѣянъ.

Потомъ явились ловкіе господа, искусно имитировавшіе болѣзненно-декадентскія души, и съ успѣхомъ сошли за новаторовъ.

Нашлись другіе, перекраивавшіе статьи Волинскаго на иной ладъ и признанные критиками.

Волинскій попрежнему стоитъ одиноко...

Онъ обращается своимъ взоромъ въ прошлое, къ вѣчнымъ загадкамъ красоты.

Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Апполонъ,—вотъ темы, занимающія его.

Разрабатывая ихъ, онъ ежегодно объѣзжаетъ европейскіе центры, посѣщаетъ музеи, библіотеки,

Р. Капюто.—„Передъ репетиціей“.

университеты, путешествуетъ по Италіи и Греціи, и снова въ Петербургъ, гдѣ живетъ вѣчнымъ студентомъ. Меблированныя комнаты, обѣдъ въ сухую, скромный пиджакъ—et voilà tout.

О. Норвежскій.

Замѣтки Профаха.

Въ № 27 «Театра и Искусства» я прочиталъ, что арестованъ какой-то антрепренеръ Миллеръ, онъ-же Поляковъ, такъ какъ оказался «поставщикомъ живого товара». При томъ не въ переносномъ смыслѣ слова,—въ этомъ смыслѣ поставщиками живого товара являются весьма многіе антрепренеры Миллеры, они-же Поляковы—а въ самомъ настоящемъ: набиралъ дѣвушекъ и женщинъ въ труппу, но затѣмъ, послѣ 2—3 спектаклей (здѣсь я уступаю слово автору сообщенія), «спектакли прекращались, такъ какъ изъ труппы какимъ-то фатальнымъ образомъ исчезалъ женскій персоналъ».

Составъ «пополнялся» все новыми и новыми лицами», и «къ изумленію труппы», таялъ. И уже потомъ—вѣроятно, послѣ того, какъ Миллеръ-Поляковъ былъ арестованъ—«фатальное» исчезаніе «женскаго персонала» объяснилось: Миллеръ-Поляковъ «вербовалъ дѣвицъ для экспорта въ притоны крупныхъ городовъ Россіи и Дальняго Востока». Только тогда «дѣйствительные артисты, попавшіе въ труппу Миллера», перестали «изумляться».

Въ этой страницѣ изъ жизни театра на мой взглядъ самое любопытное—это «изумленіе» гг. дѣйствительныхъ артистовъ».

Я никакъ не ожидалъ, что гг. «дѣйствительные артисты», странствующие съ антрепренерами Миллерами, столь наивные люди, можно сказать, ангелы доброты и невинности, пансіонеры института «Бѣдныхъ овечекъ» или точнѣе—«Бѣдныхъ барановъ». Согласитесь, что есть нѣчто «изумительное» въ «изумленіи» гг. «дѣйствительныхъ артистовъ». Дѣвица взята явно для притона «крупныхъ городовъ Россіи и Дальняго Востока», стало быть, вполне подготовлена къ своей миссіи, и очевидно, «потенциально» совершенная проститутка. Тѣмъ не менѣе она играетъ съ гг. дѣйствительными артистами Офелію, и тому не въ домекъ, что предъ нимъ не актриса, а проститутка.

— Офелія! Иди въ монастырь!—реветъ г. дѣйствительный артистъ.

Однако зачѣмъ-же она пойдетъ въ монастырь? У нея есть контрактъ въ притонъ! Г-нъ же дѣйствительный артистъ «изумляется», куда «фатально исчезла» Офелія.

— Ушла въ монастырь!—рѣшаетъ онъ—смѣшала искусство съ жизнью...

И смахнувъ наскоро слезу, отправляется репетировать съ другою Офелією, также исчезающею, какъ и первая.

И снова «изумляется» — куда проваливаются Офеліи.

— Честная, святая! Помяни меня въ своихъ молитвахъ.

Какъ хотите, а г. дѣйствительный артистъ, который, играя съ Офелією, не умѣющею ступить на сценѣ, не рассмотрѣлъ ни поддѣльной краски ланитъ, ни безконечной ласковости взгляда, — или осель, или святой. Я предпочитаю послѣднее. Онъ святой...

Но можетъ быть, онъ и не осель, и не святой. Можетъ быть, онъ просто русскій актеръ, которому не въ диковинку играть съ Офеліями, мѣняющими монастырь на притонъ, съ Офеліями изъ арфистокъ, горничныхъ, со всякими Офеліями, которыхъ ему укажетъ антрепренеръ Миллеръ, онъ же Поляковъ.

Можетъ быть это «традиція» русской сцены, что

Миллеръ, онъ-же Поляковъ, каждый день приводить по новой Офеліи на сцену, и хлопнувъ дебутантку одобрительно ниже поясницы, говоритъ артистамъ:

— Господа! рекомендую—новая артистка Райя-Райская!

Прошу суфлера подавать громче...

Можетъ быть, ни одна Офелія не была лучше другой, и всѣ онѣ до того похожи одна на другую, что ужъ подлинно не разберешь, которая изъ притона идетъ на сцену, а которая со сцены идетъ въ притонъ... Можетъ быть, голодному человѣку, всѣ помыслы котораго сосредоточены на томъ, заплатить-ли Миллеръ, онъ-же Поляковъ, причитающійся рубль за служеніе высокому искусству, не до того, чтобы разглядывать, поддѣльна или неподдѣльна краска ланитъ, безпокойна или не безпокойна ласковость взгляда у Офеліи. А и поддѣльна краска ланитъ, безпокойная ласковость взгляда—ну, и чортъ съ Офелією! Сойдетъ и этакая! Служеніе музъ не терпитъ суеты, а главное—пустого желудка. Такъ, въ попыхахъ, въ погонѣ брѣха за хлѣбомъ, и не разлышали, какъ въ Константиноградѣ Офе-

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ.

Шарль-Луи Пико.—„Волна“.

лія вмѣсто словъ: «Принцъ! Что вы читаете?»—сказала:

— Мужчина! угостите папироской!

Не разлышали, а потому впоследствии и «изумлялись». Иначе, конечно, какое же тутъ могло быть изумленіе?

Можетъ быть, гг. дѣйствительные артисты не находили уже ничего, достойнаго вниманія, въ Машкахъ-кудлашкахъ, изображавшихъ Офелій, послѣ того, какъ прочитали, напримѣръ, въ «Пет. Газ.» интервью съ опереточными артистками относительно подношеній?

Точно, какъ будто Офелія въ Константиноградѣ сказала Гамлету: «мужчина! угости папиросой!» но въ Петербургѣ въ это время опереточныя артистки въ вѣ бесѣдѣ съ интервьюеромъ выразили совершенно опредѣленную мысль, что если мужчина кредитоспособенъ, то онъ долженъ дать «рубль на память», а г-жѣ Модрю и до кредитоспособности дѣла нѣтъ: былъ-бы только данъ рубль на память.

Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, гг. дѣйствительные артисты, игравшіе съ Машками—кудлашками, изъ притона являвшимися на сцену и въ притонъ возвращавшимися, вовсе не такъ ужъ виноваты. Можетъ быть, и Миллеръ, онъ-же Поляковъ, найдетъ кое-что сказать въ свое оправданіе. Въ концѣ концовъ, такъ-ли ужъ велика разница между: «угости папиросой» и «дай рубль на память»? Такая-ли уже бездна между Машкой-кудлашкой, которая черезъ сцену кратчайшимъ путемъ стре-

мится, транзитомъ, въ притонъ «крупнаго города Россіи и Дальняго Востока», и той, которая черезъ сцену кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ попадаетъ на содержаніе?

Суть въ томъ, что въ очень многихъ случаяхъ, сцена это Лета, антрепренеръ—это Харонъ, а на томъ берегу—безпечальная жизнь кокотки. Задача въ томъ, чтобы скорѣе перебраться туда, по ту сторону добра и зла, и зажечь припѣваючи...

О, конечно, вы понимаете, что я далекъ отъ проповѣдыванія морали.

Въ нашъ то вѣкъ «освобожденія инстинкта», «лигъ любви», «переоцѣнки цѣнностей»! На здоровье! Я и проституцію готовъ уважать—разумѣется, не грязную—а на манеръ религіознаго служенія, какъ въ рошяхъ Венеры, въ храмахъ Астарты и пр. Помилуйте! Вѣдь мы переросли уже бывшаго ребячества! Полиція и судебная власть могутъ арестовывать, судить, дѣлать свое дѣло, но съ высшей, нашей-то точки зрѣнія, тутъ есть нѣчто отъ Діонисова дѣйства и Венеринныхъ таинствъ. Мнѣ было бы очень неприятно, если бы все, что здѣсь написано, читатель принялъ въ томъ смыслѣ, что я въ какомъ-нибудь отношеніи намѣренъ стѣснить культъ Венеры. Я совсѣмъ не объ этомъ, а о томъ, что почему именно театръ, сцена сдѣлались, въ нѣкоторомъ ролѣ, «конторой транспортированія кладей» въ притоны «крупныхъ городовъ Россіи и Дальняго Востока», или, скажемъ, холодильниками, сохраняющими долгое (иногда даже очень долгое) время запасъ свѣжихъ кокоточныхъ консервовъ? Я, конечно, профанъ, но мнѣ кажется, что театръ отъ этого долженъ страдать, что нельзя получить, при такихъ условіяхъ, хорошаго ансамбля. Для однихъ театръ—это палладиумъ всей жизни; здѣсь ихъ радости и скорби, ихъ богатство и бѣдность, ихъ слава и безславіе. Тогда какъ для другихъ это не то пересадочная станція по пути въ притонъ, не то узловая станція на пути изъ притона.

Я васъ очень прошу, г. редакторъ, напечатать эти мои настоящія замѣтки. Собственно, я ничего новаго не сказалъ. Но я думаю такъ: вотъ все время толкуютъ о реформѣ театра, улучшеніи театра, новомъ театрѣ и пр.

Разумѣется, вы специалисты, вамъ—и книги въ руки. Но со стороны мнѣ, профану, кажется, что слѣдовало бы начать съ освобожденія театра отъ проституціи, и освобожденія проституціи отъ театра.

Выиграли-бы обѣ стороны. Въ театрѣ-бы занимались театромъ, а въ проституціи—проституціею. Что ни говорите, а специализация—великое дѣло, и я увѣренъ, что прекрасныя кокотки явились-бы у насъ вмѣстѣ съ прекрасными актрисами. Сейчасъ у насъ много плохихъ актрисъ и плохихъ кокотокъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ: въ Константиноградѣ выучила роль, а ужъ въ Стародубѣ сѣла на поѣздъ и уѣхала въ притонъ.

Или наоборотъ: въ Стародубѣ довела кокоточную часть до нѣкотораго, если не совершенства, то хотя бы порядка, а въ Константиноградѣ пришлось учить роль Офеліи,—кокоточная то часть, съ такимъ трудомъ приведенная въ порядокъ, снова запущена, хоть начинай съизнова! Это прямо вредить дѣлу.

Я даже читалъ, что нѣкоторые антрепренеры собираются ликвидировать дѣла—до того нынче трудно совладать съ «персоналомъ». А чего бы проще построить двѣ кассы, что-ли.

— Вы куда?

— Въ оперетку!..

— Транзитомъ или до конечной станціи?

— Я... собственно... транзитомъ.

— Ахъ, транзитомъ!.. Такъ, пожалуйста, въ ту кассу... Тамъ и получите билетъ... А тутъ только билеты прямого сообщенія...

И сдѣлать маленькую надпись: «Здѣсь входъ пристрастнаго сообщенія на сцену. Постороннимъ, а равно лицамъ, вѣдящимъ съ пересадкой, входъ строжайше воспрещается»...

Только и всего.

Профанъ.

Провихціальная лѣтопись.

КИСЛОВОДСКЪ. Пока кисловодскій сезонъ никакъ нельзя назвать удачнымъ. Съездъ, благодаря достаточно уже надоѣвшей исторіи съ „пропажей“ Нарзана, не великъ, да и не предвидится блестящимъ, а отсюда проистекаютъ естественныя, хоть и печальныя для антрепренерскихъ сердецъ, послѣдствія. До послѣднихъ чиселъ іюня публики въ Кисловодскѣ было убійственно мало и играть буквально было не для кого. Въ концѣ мѣсяца съездъ сталъ какъ будто болѣе оживленнымъ, но для игравшей съ 1 іюня въ курзалѣ драматической труппы Е. Ф. Боура и А. И. Гришина дѣла все-таки оставались безнадежно плохими и дошли даже до того, что пришлось прервать спектакли 27 іюня, за три дня до предполагаемаго срока. Въ самомъ дѣлѣ—играть при 20-ти рублевыхъ сборахъ—это, какъ хотите, черезчуръ, особенно для прославленнаго „моднаго“ курорта!.. Всего за мѣсяцъ труппа взяла валового сбора что-то немногимъ свыше тысячи руб. — цифра прямо каррикатурная!.. Правда, антреприза была гарантирована арендаторомъ курзала А. А. Литвиновымъ въ суммѣ 3,000 руб., но все-таки результаты получились плачевныя и только благодаря очень хорошимъ дѣламъ въ Тифлисѣ, гдѣ труппа играла съ Пасхи и взяла за 43 спектакля валовыхъ 17,380 руб. г. Боуръ и Гришинъ бодро перенесли кисловодскія невзгоды. Труппа была вполне приличная и составленная главнымъ образомъ изъ артистовъ казанско-саратовскаго дѣла Н. И. Соболишкова-Самарина. Было нѣсколько извѣстныхъ именъ, остальные въ большинствѣ молодые, но способные и полезныя работники, создавшіе дружное и стройное дѣло. Въ составъ труппы входили: г-жи Юрьева, Лилина, Стопорина, Можанская, Соколовская, Новикова, Разсказова, Донская, Лелина, Верстовская, Соловцова, Морская, Ляховская, Гаянова, Спасская; гг. Боуръ, Людвиговъ, Нероновъ, Лидинъ, Гришинъ, Микулинъ, Щепановскій, Ермоловъ, Крамольниковъ, Неволинъ, Васильковский, Русловъ, Ставрогинъ, Дороховъ, Поповъ (пом. режиссера), Смирновъ (суфлеръ). Спектакли, несмотря на аравійскую пустыню, какую представлялъ изъ себя зрительный залъ, обставлялись тщательно и шли гладко. Но дожди (охъ, эти нестерпимыя послѣдніе дожди!) и нахлывшійся въ безвѣстной отлучкѣ Нарзанъ испортили, что называется, всю музыку. Впрочемъ—есть еще одна постоянно дѣйствующая причина: для минеральной публики драма кажется слишкомъ скучной, прѣсной. Она даже на фарсы не ловится. А вотъ пріѣхалъ „неподражаемый“ гармонистъ Петръ Невскій и далъ свой неизмѣнный „юбилейный“ концертъ—и курсовые соблазнились Зрѣлище дѣйствительно занятное: 70-лѣтній старецъ съ „патрестической“ гармоникой въ рукъ отплясываетъ трепака и русскую!.. Толпа прямо замираетъ отъ восторга... Въ восторгѣ и самъ „неподражаемый“, у котораго въ результатѣ его „плодотворной“ дѣятельности два огромныхъ дома въ Москвѣ и, какъ говорятъ, нѣсколько сотъ тысячъ капитала. Вотъ вамъ и „чигарди-матгарда“, какъ лихо припѣваетъ „маститый“ гармонистъ!.. Впрочемъ, надо быть справедливымъ: черезъ день въ театрѣ состоялся симфоническій концертъ памяти Н. А. Римскаго-Корсакова подъ управленіемъ А. А. Литвинова (онъ, къ сожалѣнію, ставъ предпринимателемъ, все больше и больше удаляется отъ своей дирижерской дѣятельности)—и залъ былъ почти полонъ. Значитъ, не только Невскій, но и (да проститъ мнѣ это сопоставленіе памяти нашего великаго композитора!) авторъ „Снѣгурочки“ пользуется вниманіемъ минеральныхъ леди и джентльменовъ. Концертъ, на которомъ были исполнены такія трели, какъ „Шехерезада“, „Садко“, „Салтанъ“, прошелъ прекрасно. Г. Литвиновъ, съ подъемомъ и мощью хереевъ названнаго произведенія, удостоился шумныхъ овацій. Были и вокальные солисты—московскіе артисты г-жа Ленская и басъ г. Штробиндеръ. Первая замѣтно волновалась въ арии Буславны изъ „Садко“, но обнаружила сочныя, хоть и не вездѣ выровненныя данныя; зато второй оказался воплощеніемъ безукоснаго и, какъ пѣвецъ, безконечно малой величиной.

Это было единственное пятно на общем торжественно-свѣтломъ фонѣ.

Съ 1 июля начались спектакли перваго русскаго кооперативнаго опернаго товарищества. Составъ не блещетъ извѣстности, но предполагаются гастролы Маріи Гай, Л. Собина и друг. Въ Кисловодскѣ съ давнихъ поръ такъ ужъ повелось, что опера живетъ гастролерами. Идутъ слушать только ихъ однихъ и платятъ бѣшенныя деньги, не обращая вниманіе на остальную труппу, хоръ, оркестръ и прочее, что, сказать правду, въ большинствѣ случаевъ и дѣйствительно вниманія не заслуживаетъ. Въ этомъ кооперативномъ товариществѣ оригинально то, что даже хоръ и оркестръ на маркахъ. Всѣмъ дѣломъ завѣдуетъ собраніе 7 представителей (въ ихъ числѣ отъ хора, оркестра и балета). Уполномоченнымъ т-ва состоитъ баритонъ съ италіанскою фамиліею Марини. Благодаря плохому сѣзду, оперные соловьи и ласточки пока настроены кисло. Pour la bonne bouche—еще инцидентъ съ артистомъ Неволлинымъ на вокзалѣ 28 іюня. Когда онъ уже собирался вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами покинуть „кислыя воды“, у него вышло столкновение съ желѣзнодорожной полиціею. Въ результатѣ—задержаніе г. Неволлина, протоколъ и, вѣроятно, судебное дѣло.

Валмаръ.

СМОЛЕНСКЪ. Итоги за іюнь. 24-го іюня закончила спектакли оперетта А. Д. Моисѣва съ большимъ дефицитомъ. Послѣдніе жаркіе дни чуть-чуть поправили дѣла. Особеннымъ успѣхомъ оперетка не пользовалась, чему причиной была слабая режиссерская часть. Оперетты ставились спѣшно, артисты шли подъ суфлера. И въ этомъ повиненъ больше всѣхъ самъ главный режиссеръ М. А. Завадскій. Между прочимъ, онъ поставилъ въ свой бенефисъ „Орфея въ аду“ и, если вѣрить афишѣ, исполнялъ роль Юпитера въ 200 разъ!!! Труппа уѣхала въ Рязань.

Въ іюль въ театрѣ Эрмитажъ пріѣзжаетъ оперная труппа подъ управленіемъ А. С. Костаньянъ. Драматическая труппа Д. И. Басманова поставила: „Дмитрія Самозанца“, „Въ лѣсахъ Индіи“ (2 р.), „Власть плоти“, „Романтики“, „Отецъ“, „Жизнь падшей“, „2x2=5“, „Гусарская лихорадка“ (2 р.), „Уриэль Акоста“, „Рафльсъ“ (2 р.), „Анна Каренина“, „Кучургинъ въ деревнѣ“ (2 р.), „Кинъ“, „Комедія любви“, „Жизнь челоуѣка“ и „Юлій Цезарь“ (3 р.). Гвоздь сезона—„Юлій Цезарь“. Нельзя не привѣтствовать эту смѣлу и вполне удавшуюся попытку показать провинціи „Юлія Цезаря“. Неизбѣжныя купюры конечно были. На первомъ планѣ стоитъ обстановочная часть. Декораціи и буафорія болѣе, чѣмъ приличны. Толпа въ народныхъ сценахъ жила. Въ этомъ заслуга Д. И. Басманова и С. О. Валика, вступившаго въ число очерредныхъ режиссеровъ. (Кромѣ „Юлія Цезаря“ имъ были удачно поставлены „Романтики“, „Комедія любви“. Исполненіе же было слабое.

Выдѣлились только В. А. Бороздинъ (Ю. Цезарь) и мѣстами А. В. Рудницкій (М. Антоній). Больше некого помянуть добрымъ словомъ. Пьеса дѣлаетъ сборы. Первый выходъ В. А. Бороздина былъ въ „Власти плоти“. Артистъ сумѣлъ захватить зрителя нервной, искренней игрой. Къ сожалѣнію этотъ артистъ за іюнь выступалъ всего въ 3—4 роляхъ.

Интересный и разнообразный артистъ А. В. Рудницкій, который съ 1-го іюля выбылъ изъ труппы. Лучшія роли: Кинъ, Уриэль Акоста, Фалькъ („Комедія любви“) и Кучургинъ (въ бенефисѣ).

Милое свѣжее дарованіе у В. Д. Мошковой, выступившей къ сожалѣнію всего два раза — Жена Челоуѣка и Маня въ „Король“. Попрежнему нравятся публикѣ: В. А. Македонская (Анна Каренина, Кучургина, Свангильда—въ „Комедіи любви“), Т. И. Понизовская (жена Гросмана), Е. П. Долина (Камская—„Власть плоти“), Д. И. Басмановъ, М. С. Боринъ, І. М. Нѣмцевскій, М. А. Чечинъ (Гросманъ).

Недурень временами А. К. Павленковъ—нѣсколько грубоватый юморъ требуетъ шлифовки.

Повидимому сезонъ пройдетъ безъ героини, ибо артистка, исполняющая должность таковой, ни въ коемъ случаѣ за героиню считаться не можетъ. Полное отсутствіе голосовыхъ средствъ и чисто любительская манера держаться на сценѣ...

Н. А. М.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 30-го іюня закончился нашъ лѣтній драматическій сезонъ. Екатеринодаръ остался вѣренъ себѣ и внесъ въ кассу театра за 2½ мѣсяца около 38 тысячъ руб. въ среднемъ 500 руб. на кругъ. Положимъ, эта сумма раздѣлилась на три части: 15% получилъ городъ, 30% получилъ Бородай, которому удалось-таки сдѣлаться посредникомъ между городомъ и антрепренерами, остальные 55% получилъ антрепренеръ В. Н. Дагмаровъ, привезшій намъ довольно сильную труппу, какъ видно по прошлой моей корреспонденціи.

Но откровенно долженъ сказать, что отъ дѣла г. Дагмарова я ожидалъ большаго.

Все складывалось какъ-то неудачно для г. Дагмарова. Г-жа Юренева опоздала пріѣздомъ и съ перваго-же дня началась ломка репертуара, затѣмъ по болѣзни дочери она же опять уѣхала.

Выписали г-жу Строеву-Сокольскую, которая выступила въ „Чародѣйкѣ“, „Мадамъ Сан-Женъ“, „Идиотъ“, „Безъ вины виноватые“.

Скупился г. Дагмаровъ и на новай декораціи, но это понятно: по условію за 30% г. Бородай долженъ былъ нести всѣ расходы по обстановкѣ, и г. Дагмарову было прямо невыгодно взять на себя еще такой расходъ. Лишній разъ блестящее доказательство для городскихъ комиссій не сдавать театръ черезъ третьи руки!

Но надо отдать справедливость молодому антрепренеру, что онъ, несмотря на возможность дѣлать громадныя сборы пьесами „Новый мѣръ“, „Камо грядеши“, „Натъ Пинкертонъ“ и „Рафльсами“, воздержался отъ ихъ постановки, поставивъ всего два раза „Новый мѣръ“ и одинъ разъ „Камо грядеши“.

Всего разъ и то совершенно случайно поставилъ „Пріютъ Магдалины“.

Въ общемъ репертуаръ былъ, если не систематически проведенный, то во всякомъ случаѣ чистый.

Новый репертуаръ въ видѣ „Духа земли“, „Пробужденія весны“ не нравился публикѣ, не понашей ни „Эроса и Психеи“, ни „Электри“, ни „Іюль“, и потому Юренева, очень нравившаяся публикѣ, особымъ сборовъ все же не дѣлала.

Бенефисы въ общемъ были удачны, лучшими по сбору оказались—бенефисы Орлова-Чужбинина (первый „Кинъ“ далъ 1014 руб., второй „Безъ вины виноватые“—980 руб.), очень удачнымъ и по сбору и по радушному приему былъ бенефисъ Булатова („Перекаты“ сборъ 680 р.), около 600 руб. сдѣлали бенефисы г-жи Дарьяль, Юреновой, г. Смирнова, Дагмарова.

Боевыя пьесы сезона „Эросъ и Психея“, „Король“ (очень хорошо поставленный г. Дагмаровымъ) не сдѣлали блестящихъ сборовъ. „Пробужденіе весны“ было снято послѣ перваго раза. „Жизнь Челоуѣка“ по прочтеніи г. начальникомъ области не разрѣшена была къ постановкѣ.

Хорошіе сборы дали „Король“, „Эросъ и Психея“, „Пробужденіе весны“, „Новый мѣръ“, „Камо грядеши“, „Карьера Наблочнокаго“, „Духъ земли“.

„Марья Ивановна“, поставленная первымъ спектаклемъ, какъ-то не пришлась по вкусу екатеринодарцевъ и, сдѣлавъ въ виду открытія 1014 руб. сбора, въ слѣдующіе спектакли сборовъ не дѣлала. Нѣсколько вредили сборамъ и дожди, но въ общемъ г. Дагмарову жаловаться нельзя.

По слухамъ у него останется чистыми тысячь 6—7 за два съ половиною мѣсяца.

Очень хорошія постановки „Короля“, „Въ городѣ“, „Пробужденія весны“, „Эроса и Психеи“ снова подтвердили мое мнѣніе о г. Дагмаровѣ, какъ о чуткомъ, интеллигентномъ режиссерѣ. Съ успѣхомъ сыгралъ онъ нѣсколько ролей: Свангалли, портного въ „Король“, Глаика „Въ городѣ“ и доказалъ, что онъ по прежнему вдумчивый, хорошій артистъ.

И вотъ обладая самъ такими хорошими качествами и имѣя такую сильную труппу, г. Дагмаровъ положила руку на сердце, не сможетъ назвать свой первый сезонъ у насъ блестящимъ по ансамблю.

Бывали спектакли въ родѣ „Короля Лира“, послѣ которыхъ публика уходила очень и очень недовольной. Говорятъ, что городская комиссія, очень довольная веденіемъ дѣла г. Дагмаровымъ, обѣщала ему театръ и на будущей сезонъ.

Если это правда, пожелаемъ ему болѣе ровнаго веденія дѣла и тогда можно не сомнѣваться въ еще большемъ материальномъ успѣхѣ и нравственномъ удовлетвореніи.

А главное—потребуемъ отъ нашей комиссіи, чтобы она сдавала театръ не черезъ посредниковъ, а прямо антрепренерамъ. А пока получается такой пріятный для г. Бородай курьезъ.

На долю Дагмарова приходится 55% и онъ платитъ изъ нихъ труппѣ не менѣе 7,000 р. въ мѣсяцъ, городъ беретъ 15% только за стѣны театра безъ электричества, а Бородай беретъ 30%, давая афиши, реkvизитъ, освѣщеніе.

Съ 1-го іюля начали играть малороссы подъ управленіемъ Садовскаго. Въ труппѣ значится Заньковецкая, но она пока еще не пріѣхала.

Первый сборъ—переполненный театръ. Послѣ малороссовъ оперная труппа будто-бы съ участіемъ Севастьянова и Шаронова... Поживемъ, увидимъ! Съ сентябрѣмъ въ циркъ-театрѣ Злобина начнется первый зимній сезонъ труппы Судьбинина и, пожалуй, лѣтній сезонъ изъ „золотого дна“ превратится теперь въ „серебряное“, хотя все-таки лѣтомъ будутъ труппы болѣе сильныя и попрежнему екатеринодарцу некуда будетъ дѣваться, какъ въ лѣтній театръ.

Л. С.—нѣ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Послѣ зимняго сезона театральная жизнь Нижняго пошла скачками. Г. Басмановъ съ случайно подобранной труппой поставилъ нѣсколько спектаклей, между прочимъ, „Власть плоти“. Предполагавшійся къ постановкѣ „Король“ не прошелъ „по независящимъ обстоятельствамъ“. На Пасхѣ и Фоминой недѣлѣ дали малороссы десять спектаклей подъ управленіемъ г. Шатковскаго. Первые спектакли прошли при очень хорошихъ сборахъ, послѣдующіе давали меньшіе сборы. Изъ состава труппы большимъ успѣхомъ

пользовалась г-жа Зинина, но въ общемъ труппа была не первоклассная.

Въ началѣ мая заѣзжалъ г. Петипа, сыгравшій пять спектаклей, изъ нихъ иаибольшій успѣхъ имѣлъ „Король“, пресходно въ заглавной роли сыгранный гастролеромъ.

Материальный успѣхъ гастролей былъ все-таки не важный.

Въ серединѣ мая два раза прошла „Колдунья“ Чирикова. Первый спектакль далъ 800 руб., второй—около 400 р. Всего больше привлекали стильныя декорации.

Случайно 1-го юня заѣхала труппа „петербургскихъ и московскихъ“ театровъ съ „Анною Карениною“, но это было покушение съ негодными средствами: ни сбора, ни успѣха.

Съ 15 юня открываются ярмарочные театры. Г. Левицкій будетъ держать фарсъ въ „Фоли-Вержеръ“ и собирается удивить публику постановкою „Ночи любви“.

Опера будетъ подь управленіемъ Л. Г. Яковлева. Составъ труппы еще не объявленъ полностью, но среди артистовъ будутъ гг. Борисенко, Улухановъ, г-жа Осипова. Общана постановка оперъ „Тангейзеръ“ и „Вильгельмъ Телль“.

Въ Лубянской театръ будетъ труппа подь управленіемъ г. Браиловскаго, служившаго у Басманова прошлый сезонъ. Составъ труппы: г-жи Германовская (грандъ-кокетъ), Соколовская (пожилая героиня), Браиловская-Жданова (инженю-драматикъ), Волконская (инженю и кокетъ), Атлантова (инженю), Жукова, Вольская, Крюкова, Шатковская, Княгининская, Перовская; гг. Рубаевъ (герой-любвоникъ), Вронскій (резонеръ), Шевченко и Лидинъ (комики), Крамольниковъ (характерныя роли), Браиловскій (герой-резонеръ), Бестужевъ, Домничевъ, Швець, Плямя. 15-го юля театръ откроется или „Горе отъ ума“, или „Ревизоромъ“.

Злополучный театръ на Самокатахъ „Забава“, въ прошломъ году имѣвшій мало успѣха, до сихъ поръ еще не нашелъ хозяина, а г. Браиловскій не соглашается взять на себя эту „Забаву“.

И. С.—нб.

ЛИПЕЦКЪ. Драма. Дирекція Е. А. Ризъ. Открытіе сезона состоялось 1 юня. Составъ труппы: Н. С. Костюрина, З. И. Попова-Барвинокъ, Е. А. Ризъ, С. Ф. Савичъ, Н. К. Тамарина, О. Н. Тольская, Н. А. Тучанская, С. В. Халютина, Л. Н. Чужая; А. И. Андреевъ, М. П. Арматовъ-Ризъ, Е. В. Женинъ-Райскій, Н. О. Массалитиновъ, Г. Г. Мухинъ, А. Ф. Пармскій, Н. А. Роксановъ, К. С. Хохловъ, Я. М. Яшинъ, суфлеръ Георгіевскій.

За это время прошли слѣдующія пьесы: „Хаосъ“, „Марья Ивановна“, „Иванъ Миронычъ“, „Счастье только въ мужчинахъ“, „Богъ мести“, „Вѣчная любовь“, „Свои люди, сочтемся“. „Король“, „Погромъ“, „Дѣти Ванюшина“ (съ новымъ 4-мъ актомъ), „Разбойники“, „Мораль пани Дульской“, „Жизнь Человѣка“, „Двѣ сиротки“, „Отмѣтка въ поведеніи“. Сборы въ началѣ сезона средніе, теперь прогрессивно увеличиваются.

ВСЛОГДА. Городской театръ снятъ г. Чекменевымъ съ 1-го юня по 1 сент. Играетъ труппа малороссовъ подь режиссерствомъ С. И. Мирскаго.

Спектакли начались 17-го юня пьесой „Дай сердцеву волю, заведе у неволу“. Сборъ едва достигъ 40 р. Второй спектакль „Борци за мрію“ пришлось отмѣнить за полнымъ отсутствіемъ публики. На слѣдующій день появился анонсъ: „спектакли украинцевъ прекратились до прибытія остальныхъ членовъ труппы“. Антрепренеръ энергично началъ разсылать телеграммы, приглашая артистовъ на службу.

29 юня спектакли снова начались. Шла „Назаръ Стодоля“. На этотъ разъ сборъ достигъ 120 р.; но когда публика увидѣла, что „остальные члены труппы“ такъ и не пріѣхали, театръ снова сталъ пустовать и сборы упали до 25 р. 8-го же юля до начала спектакля „Недолюдики“ билетовъ было продано на 8 р. Антрепренеръ отмѣнилъ спектакль и рѣшилъ приостановить постановку спектаклей до пополненія силъ труппы.

Съ 1 юня по 8 юля антреприза понесла убытку 1¹/₂ т. р. Жалованье труппѣ пока выплачивается аккуратно. Если антрепренеру удастся сформировать хорошую труппу, то онъ закончитъ сезонъ не только безъ убытка, но и съ прибылью. Примѣръ на лицо: прошлый годъ труппа г. Василенко взяла по 250 р. на кругъ.

Причина равнодушія вологодской публики къ спектаклямъ малороссовъ заключается въ томъ, что труппа и количественно, и въ особености, качественно очень слаба. Женскій персоналъ (Лохвицкая, Лысенко, Моравская, Черноморская) особенно плохо: нѣтъ ни пѣвицы, ни вообще, сколько-нибудь болѣе или менѣе крупной артистки. Мужчины (Мирскій, Муха-Жербенко, Сергіенко, Бодренко, Дальскій) лучше. Особенно Мирскій (герой). Въ труппѣ нѣтъ пѣвца, комика, простака, танцора, нѣтъ оркестра, его замѣняетъ рояль. Недуренъ только хоръ подь упр. К. В. Попова. При такихъ условіяхъ пьесы съ трудомъ расходятся, и такія, напр., вещи, какъ „Запорожецъ за Дунаемъ“, „Наталка Полтавка“, „Цыганка Аза“ режиссеръ не въ силахъ поставить—некому пѣть. Естественно, что вологодская публика, за отсутствіемъ другихъ развлеченій, идетъ смотрѣть на кувырканье рыжого въ плохонькомъ циркѣ г. Гореца, который, пользуясь случаемъ, выуживаетъ ежедневно по 700 р. изъ кармановъ вологжанъ.

Надняхъ въ Вологду пріѣзжаетъ оперетка на 4 спектакля. Кроме того, анонсировано: „товарищество артистовъ Императорскихъ и частныхъ с.-петербургскихъ театровъ проѣздомъ дастъ спектакль „Власть плоти“ Протопопова“.

Иа. Поляскій.

УФА. Дѣла драматической труппы П. П. Медвѣдева, играющей въ лѣтнемъ театрѣ насл. Видинѣва, идутъ удовлетворительно. Съ 1-го мая по 1-е юля взято валового сбора 14.000 руб.

Непрерывные дожди и холодная погода въ теченіе всего мая сильно вредили сборамъ.

Весь репертуаръ держится на Е. А. Лепковскомъ, которому приходится выступать чуть ни ежедневно.

Этотъ артистъ пользуется большимъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ. Успѣхомъ пользуются также и остальные члены труппы, между которыми есть очень даровитые, какъ гг. Медвѣдевъ, Аслановъ, Валуа, г-жи Медвѣдева, Микуйльская, Петрова, Холина и Харзи-Николина (героиня). Последняя лишена была возможности принимать участіе въ спектакляхъ съ 3-го мая по 10-е юня вслѣдствіе перелома ноги, случившагося во время второго спектакля.

Изъ остальныхъ членовъ труппы заслуживаютъ быть отмѣченными г-жи Кручинина, Смирнова, Лилина и гг. Снѣговъ, Орловъ, Тихоміровъ и Суботинъ. Изъ новыхъ для Уфы пьесъ за первые два мѣсяца прошли: „Марья Ивановна“, „Мораль пани Дульской“, „Дѣльцы“ (бенефисъ режиссера Евгеньева), „Приватъ-доцентъ“, „Шуть“, „Король“, „Въ сумеркахъ разсвѣта“ (бенефисъ Орлова), „Везунная Юлька“ (бенефисъ Петровой), „Самсонъ“, „Рафльсъ“, „Воръ“ (бенефисъ Лепковского), „Витязъ“, „Власть плоти“. Драматические спектакли заканчиваются 15-го юля.

Съ 16-го юля по 16-е Августа—опера Мандельштама.

М. А.—рп.

ЕНАТЕРИНОСЛАВЪ. Съ 15 мая открытъ новый лѣтній театръ и садъ нѣмецкаго кружка. Антрепренеру В. В. Валентинову удалось убѣдить членовъ О-ва отказаться отъ постановки на сценѣ цирковыхъ №№, давшихъ къ тому же большой дефицитъ, и съ 16 юня театръ принялъ другую окраску. Г. Валентиновъ сформировалъ драм. труппу и подь его управленіемъ ставятся ежедневные спектакли, преимущественно веселый жанръ: легкія комедіи, водевили съ пѣніемъ, фееріи, фарсъ и дивертисменты. Спектакли проходятъ съ успѣхомъ и привлекаютъ много публики.

Составъ труппы (въ алф. порядкѣ): г-жи Верховская, Кальверъ, Карташева, Круковская, Лилина, Рудина; гг. Амарждо-Агамирскій, Вановскій, Вечесловъ, Донской, Ратмировъ, Розановъ, Самаринъ, Самойловъ, Семеновъ, Сергіевъ.

А. Гусовскій.

ТОМСКЪ. Въ № 24 „Театръ и Искусство“ уже появилась довольно подробная корреспонденція изъ нашего обильнаго развлеченіями града. Поэтому я не буду много останавливаться ни тѣхъ сценическихъ зрѣлищахъ, о которыхъ уже помѣщенъ отчетъ, скажу два слова о любительскихъ спектакляхъ. Въ последнее время однимъ изъ устроителей ихъ явился нѣкто г. Миловидовъ, величающей себя „артистомъ“. Недавно имъ поставленъ спектакль „Потонувшій колоколь“ Гауптмана. Но это было такое представленіе, что лучше обойти его молчаніемъ. Болѣе толково ставятся спектакли подь управленіемъ Е. И. Кировой, талантливой артисткой, бывшей ранѣ артисткой Императорскихъ театровъ. Но она теперь выступаетъ довольно рѣдко.

Среди любителей и любительницъ попадаются люди, способные, обладающие и опытностью, и несомненнымъ дарованіемъ; но про большинство можно сказать—„охота смертная, да участь горькая“.

Учестки въ лѣтнемъ театрѣ „Буффъ“, гдѣ дается фарсъ и легкія комедіи, вначалѣ давали хорошіе сборы, но затѣмъ—въ юнѣ—сборы были менѣе, чѣмъ средніе. Причиной этого отчасти являлась и дождливая погода, продолжавшаяся почти въ теченіе всего юня.

Многіе у насъ настроены противъ фарсовъ, изъ которыхъ иные, дѣйствительно, не отличаются чистоплотностью содержания и пересыпаны порнографическими сценами и двусмысленными выраженіями и намеками; но и въ числѣ этихъ „многихъ“, высказывающихся черезчуръ пуританскіе взгляды, многіе, тѣмъ не менѣе, поощряютъ фарсъ, продолжая ругать его, вѣроятно, для очистки совѣсти.

Кромѣ театра, въ саду „Буффъ“ есть еще открытая сцена—здесь фигурируютъ хоры, пѣвцы, солисты, танцоры и танцорки, разказчики. Тоже самое на открытой сценѣ и въ лѣтнемъ саду „Фантазія“ И. Г. Горланова, гдѣ иногда попадаютъ даровитые исполнители, какъ, напр., куплетистъ Убейко и пѣвица цыганскихъ „романсовъ“ М. П. Комарова, обладающая хотя небольшимъ, но свѣжимъ пріятнаго тембра голосомъ.

Изъ исполнителей въ фарсѣ стоитъ остановиться на г-жахъ Арцыбашевой и Варшавской. Обѣ съ несомненнымъ дарованіемъ.

Всеволодъ Сибирскій.